Троцкий

ОСН. ВОПРОСЫ

ПРОМЫШЛ.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
Д 684

№ 10. БИБЛИОТЕКА „ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ“.

БИБЛІОТ... Н. К. ЕЕИ

Л. Д. ТРОЦКИЙ.

ЕН171
О684

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

МОСКВА—1923.

№ 10. БИБЛИОТЕКА „ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ“.

БИБЛІОТЕКА

Л. Д. ТРОЦКИЙ.

ЕН 171
О 684

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

МОСКВА—1923.

ПРОФШКОЛА
имени
тов. БОРЩЕВСКОГО
Бол. Садовая, д. 23.

ЕМ171
О 684

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

(938/1956)

ср 12155

3077 с1.
36

1062926

Москва. Главлит № 8816. Тираж 5.000.

Предисловие.

Настоящая работа представляет мой доклад по вопросу о промышленности и заключительное слово по докладу на XII С'езде партии. Стенограмму обоих речей я подверг литературной обработке—в таких пределах, чтобы облегчить читателю ознакомление с текстом.

Во время предварительного подбора материалов, легших в основу моего доклада, ряд товарищей оказывал мне незаменимое содействие, в первую голову — тов. Кржыжановский, тов. Пятаков, тов. Смирнов (Госплан), тов. Богданов, тов. Смилга (ВСНХ), тов. Сокольников (Наркомфин), тов. Попов (ЦСУ), тов. Лежава (Комвнуторг), тов. Андреев (ВЦСПС). Всем им приношу здесь искреннюю благодарность.

Л. Троцкий.

25/IV—23 г.

Основы НЭП'а и его задачи.

Товарищи, мне поручено сделать не отчетный, разумеется, доклад. Для отчетного доклада о работе промышленности за год Центральный Комитет выбрал бы докладчика, непосредственнее и ближе стоящего к управлению самой промышленностью. Доклад, который мне поручено сделать, имеет более директивный характер, и поэтому, заранее предваряю, что не буду пытаться дать сколько-нибудь законченный отчет о работе нашей промышленности. Но, вместе с тем, для того, чтобы сделать те основные выводы, которые намечены в тезисах ЦК, я должен буду обратиться к некоторым итоговым данным—не в смысле отчета за прошедший год, а в смысле опоры для директив на будущий год. Мне придется,—я заранее опять-таки об этом предваряю,—начать с установления некоторых элементарных экономических положений относительно нашей, все еще так называемой, «*новой*» экономической политики. На IV Конгрессе Коммунистического Интернационала мы рассуждали с иностранными партиями о том, придется ли им также проходить через НЭП. На это мы все, в общем и целом, солидарно отвечали: поскольку НЭП есть использование рабочим государством методов, приемов и учреждений капиталистического общества для построения или для подхода к построению социалистического хозяйства, все рабочие государства пройдут через подобный период, одни довольно пространно, другие—по более сокращенному учебнику. Конечно, чем культурнее, чем образованнее страна, тем более сокращенный учебник по НЭП'у ей понадобится.

Почему собственно рабочее государство оказывается вынуждено использовать на первых своих шагах методы и учреждения капиталистического строя, рынка? Потому, что новых методов для распределения производительных сил и средств между разными отраслями хозяйства еще нет. Надо пользоваться старыми, рыночными, пока не создали новых—централизованных, плановых, учетных. Такова общая формула новой экономической политики. Но она слишком обща, слишком «алгебраична» для того, чтобы понять ее специфический смысл в условиях Советской России.

У нас вопрос распределения силы и средств, прежде всего, наталкивается на соотношение между городом и деревней. Сельское хозяйство у нас преобладающее занятие населения. Стало-быть, если в Европе рыночные отношения и учреждения будут необходимы в течение известного периода для правильного распределения сил и средств (правильного, поскольку вообще методы капитализма могут дать и как-никак дают известное соотношение между разными отраслями хозяйства), постольку у нас рыночные отношения должны в первую голову регулировать отношения между городом и де-

ревней. Вот специфический характер нашего российского или нынешнего «союзного» НЭП'а. И нам надо себя спросить: за эти два года новой экономической политики разрешили-ли, приблизились-ли мы к разрешению тех задач, во имя которых мы рыночного дьявола вызвали на свет? Да, или нет?

Каковы эти задачи? Первое и основное «поручение», которое было, так сказать, дано НЭП'у нашей партией, состоит в том, чтобы подтолкнуть вверх производительные силы страны. Вторая задача, которую мы разрешаем впервые в истории, состоит в том, чтобы эти поднимающиеся или долженствующие подняться производительные силы направлять, по возможности, в русло рабочего государства на социалистический путь. Это совсем, товарищи, не один и тот же вопрос. Что на почве рынка производительные силы поднимаются, это мы видим кое-где и помимо нашей страны. Крестьянство, ремесленники, кустари, увеличение оборота, развитие производительных сил,—это мы наблюдали у себя до революции, до войны. Это мы наблюдаем в Индии, это мы наблюдаем в Китае... Рынок на известной стадии развития способствует поднятию производительных сил, но это не есть, конечно, последний или решающий для нас факт. Наша подлинная, настоящая работа начинается где? *Там, где мы эти поднимающиеся производительные силы направляем по каналу социалистического строительства.* Надо всегда строго иметь в виду эти две стороны вопроса, чтобы не обманывать себя фактами, данными, цифрами, которые мы извлекаем из нашей, не очень точно подсчитываемой экономической жизни. И вот, если мы поставим первый вопрос—способствовал-ли рынок за эти два года под'ему производительных сил в стране, то мы должны будем ответить без всякого колебания положительно. Цифры наши, я уже говорил об этом, очень несовершенны. При помощи Центрального Статистического Управления, я пытался получить суммарные данные о нашем хозяйстве. Они касаются наших доходов,—доходов от всех отраслей хозяйства,—в 1913 г., в 1921 и 1922 г.г.

Продукция по ценам довоенного времени.

	Промышленность (стоимость окончательных продуктов).			Сельское хозяйство (валовая продукция).	Всего	В том числе арендованная промышленность.	% к общей сумме продукции промышлен.
	Крупная и средняя.	Ремесленно-кустарная.	Итого.				
1913 г.	3.721	730	4.451	6.714	11.165	—	—
1921 „	669 } +43%	260	929	3.535	4.464	46,0	6,3
1922 „	954	415	1.369	4 005	5 374	68,0	4,9

1913 год взят, как предвоенный, для сравнения. Цифры неточны, но динамику, изменение, движение они все же характеризуют достаточно.

Общий валовой доход от всех отраслей хозяйства, и сельского, и промышленного, в 1913 году был 11 с чем-то миллиардов в золотых рублях. В 1921 г.—меньше, чем 4½ миллиарда. В 1922 году—5 миллиардов с третью. Значит, с 1921 года на 1922 год наблюдается рост с 4½ до 5 с третью миллиарда. Я должен, однако, сказать, что цифры взяты такие: для промышленности—за календарный год, а для сельского хозяйства—за сельскохозяйственный год, от октября до октября. С точки зрения формальной, канцелярской, это не вполне правильно, но для того, чтобы в короткий период видеть динамику, движение—это в данном случае более правильный метод. Во всяком случае, я о нем вас предупредил.

Сельское хозяйство за 1913 год дало 6,7 миллиардов золотых рублей За 1921 год—3½ миллиарда, за 1922 год—4 миллиарда. Значит, с 1921 на 1922 год—под'ем с 3½ до 4-х миллиардов. По сравнению же с 1913 годом, мы имеем сейчас меньше, чем две трети.

Как обстоит дело по отношению к промышленности? Промышленность в целом в 1913 году дала 4 миллиарда 400 миллионов валового дохода. В 1921 году—929 миллионов, т. е. меньше одного миллиарда, и в 1922 году—один миллиард с третью,—следовательно, значительный под'ем.

Но нас интересует крупная и средняя промышленность, т. е. наша государственная национализированная промышленность, с одной стороны, кустарная и ремесленная,—с другой. Вот на эти цифры, товарищи, я обращаю ваше внимание. В 1913 году крупная и средняя промышленность дали валового дохода 3,7 миллиарда. В 1921 году—669 миллионов, т. е. больше полумиллиарда. В 1922 году—954 миллиона, т. е. почти уже миллиард. Другими словами, с 1921 года до 1922 календарного года промышленность, крупная и средняя вместе, возросла на 43%. Другие исчисления от этих несколько отличаются, но, повторяю, это самые последние данные Центрального Статистического Управления.

А ремесло и кустари? До войны, в 1913 году, ремесло и кустарная промышленность давали валового дохода 730 миллионов, т. е. три четверти миллиарда в год. В 1921 году цифра эта падает до 260 миллионов, т. е. немножко больше четверти миллиарда. В 1922 году поднимается до 415 миллионов. Таковы данные по кустарной и ремесленной промышленности. Они свидетельствуют об ее чрезвычайно возросшем удельном весе.

Товарищи, это цифры и факты в высшей степени для нас важные. Они указывают, прежде всего, что самую элементарную, основную задачу, которую можно формулировать так: не дать стране погибнуть (прекращение хозяйственного развития исключает, разумеется, возможность как социализма, так и капитализма; для того, чтобы можно было строить социализм, нужно, чтобы страна хозяйственно поднималась, а не падала,—это элемантарное условие)—вот эту свою задачу новая экономическая политика, несомненно,

начала серьезно разрешать. Это основной факт. Под'ем бесспорный. Увеличился обмен между городом и деревней. Цифры можно привести; многие из вас знают их и без того. Наши газеты сейчас дают довольно обильный цифровой материал, а некоторые из них печатаются так, что цифры иногда можно даже разобрать, бывает и это. (Смех). Но обращаю тут же ваше внимание на факт чрезвычайной важности: товарный оборот между городом и деревней за истекший год имел, главным образом, *потребительский* характер, т. е. город получал от деревни предметы личного питания, а крестьянин, в свою очередь, получал от города, главным образом, предметы личного потребления или домашнего обихода. Это означает, что так называемая смычка, экономический обмен между городом и деревней, проходит через *первоначальную* стадию, т. е., как обмен потребительских благ. Следующий этап, большой новый этап, начнется тогда, когда главное место в товарообмене между городом и деревней займут производственные, а не потребительские блага, когда деревня даст городу промышленное сырье, когда город даст деревне сел.-хоз. орудия, удобрение и пр., и пр. Но мы только подходим к порогу этого второго периода, и как он развернется—еще не знаем. Примитивность оживления нашего хозяйства характеризуется этими двумя обстоятельствами: потребительским характером обмена между городом и деревней—раз, и непропорционально большой ролью кустарной и ремесленной промышленности—два. Кустарная и ремесленная промышленность, работающая, главным образом, на крестьянина, дает продукции на 415 милл. рублей золотом, а промышленность крупная и средняя—на 954 милл., значит, лишь в два с немногим раза больше.

Итоги первого периода НЭП'а.

И вот здесь перед нами встает во весь рост вопрос, по какому же руслу развивается товарообмен между городом и деревней, в какую сторону перевес: в сторону,—если говорить отчетливо,—капитализма или социализма? Производительные силы возросли—немного, но возросли, страна стала богаче. Но из этого прироста, из этой прибавки кто получил пока-что большую долю,—рабочее государство или частный капитал? НЭП есть признанная нами законодательным порядком арена борьбы между нами и частным капиталом. Мы эту арену воссоздали, легализовали и на ней борьбу ведем всерьез и надолго, но борьбу эту нужно вести с подсчетом на каждом повороте, на каждом этапе, а таким этапом является не в последнем счете и партийный с'езд. Это—важнейший вопрос: кто от хозяйственного прироста больше получает, какую тенденцию обнаруживает на этот счет развитие, кто захва-

тывает львиную долю? В этом вопросе нельзя теоретически предсказывать. Тут нужно иметь зоркие глаза, загребастые руки и тянуть к себе, практически решая таким образом этот вопрос, но, по мере практического решения, нужно его статистически и экономически проверять.

И вот, товарищи, цифра эта—400 с лишним миллионов рублей продукции кустарной и ремесленной промышленности,—это есть тот факт, который, наряду с ролью частного торгового капитала, нам, прежде всего, нужно ввести в наше сознание. Когда я делал доклад по вопросу о нашем хозяйстве на IV Конгрессе Коминтерна, я этой цифры еще не имел и того значения, которое ей нужно придать, не придавал: она тогда еще не обнаружилась. Разумеется, факт оживления кустарничества, как и крестьянского сельского хозяйства, есть положительный факт огромного значения. На этой основе можно строить. Но если отстанем,—на этой основе будут строить другие и строить против нас. Что такое ремесло и кустарничество? Это тот питательный бульон, из которого в прошлом развивался наш капитализм, по крайней мере, одним своим крылом. Другим крылом он развивался через бельгийский, французский, английский капитал, который насаждал у нас, например, в наших южных степях, целые заводы, до последнего гвоздя, из Бельгии, Америки и т. д.

Но иностранный капитал мог революционизировать нашу экономику постольку, поскольку у нас появился уже собственный капитал, торговый и промышленный. Последний появлялся в значительной мере из соединения кустарно-ремесленной сферы (главным образом, кустарной: ремесленная у нас была ничтожна) и торговой. Торговец находил свою «смычку» с кустарем: либо его подчинял себе, либо сам строил фабрику и т. д. И из сочетания торгового капитала и кустарничества выростали русские, истинно-русские, не из-за границы ввезенные фабрички, заводики и пр., и пр. Эта кустарная промышленность живет, так сказать, налегке, с примитивным оборудованием,—как только рынок появился, наш Ванька-Встанька тут как тут, и в год дал продукции на 415 миллионов рублей золотом в то время, как вся государственная промышленность, вместе с арендной, которая, правда, занимает всего менее 5%, дала на 954 миллиона.

Вы знаете, что частный капитал у нас в промышленность, крупную и среднюю, почти не проник. Арендная промышленность (а в ней частного капитала немножко больше половины) всего произвела за год на 68 милл. рублей. Но в торговле частный капитал играет у нас крупную роль, особенно, конечно, в мелкой, посреднической, спекулянтской; в мелкой торговле—явно преобладающую роль. Вот два элемента: торговый частный капитал, с одной стороны, кустарничество—с другой; их смычка, если мы в нашей промышленной и торговой работе зазеваемся и отстанем,—может оказаться целиком направленной против нас. Этому пойдет навстречу крестьянский хлебный рынок, который тоже—в случае нашей пассивности и неумелости—может

составить питательный бульон для произрастания торгового, а в дальнейшем и всякого другого частного капитала. Как же обстоит дело в области отношений между государственной промышленностью и рынком? Есть-ли у нас здесь успехи? И если есть, то в чем они состоят?

Промышленность существует для того, чтобы производить полезные вещи. Мы их производим ныне больше, чем год назад, мы их производим немного лучше. Производительность труда повысилась. И как результат этого и условие для дальнейших успехов,—что для нас особенно важно,—повысилась заработная плата рабочих. Все это чрезвычайно важные завоевания. Но, спросим мы тут же, это оживление промышленности означает-ли оно уже сейчас *обогащение* государства, да или нет? Кто-нибудь скажет: а как же, раз промышленность оживляется, то тем самым и государство обогащается. Нет, такой вывод был бы слишком поспешным. Это не одно и то же, совершенно не одно и то же. Вот вам пример. Мы имели до вчерашнего дня Германию, которая в то время, когда вся Европа стояла под знаком ужасающего кризиса, переживала период бешеного промышленного оживления; но в немецкую историю этот период вошел под названием Ausverkauf, т. е. распродажа. Продавая за границу продукты своего труда, Германия распродавала себя—в том смысле, что получала за них ниже себестоимости. Отдельные капиталисты, спекулянты наживались, но железные дороги не восстановлялись, водопроводы в городах не восстановлялись, дома, где жили рабочие, не восстановлялись. Весь материальный скелет государства приходил и приходит в упадок, а частицы этого государственного скелета уносились за границу в виде дешевых товаров. И эта спекулятивная горячка означала и означает разорение Германии. Там это связано к тому же с грабительским вторжением во внутреннюю жизнь страны чужеземной военной руки, которая вырывает самые жирные куски. Внешность германской экономической жизни, до недавнего времени, давала явления под'ема. А на деле шло разорение. Мы имели перед собой как бы фильму, которую показывают сзади наперед. Это иногда делают для шутки. Человек лезет на дерево, но фильму показывают нам в обратном порядке; и вы видите, как сползает с дерева вниз человек, а движения делает такие, как будто он лезет вверх. Так и с германским хозяйством: все движения под'ема, а сползает вниз, ниже и ниже. Но там, повторяю, контрибуция. Мы же контрибуции никому не платим: мы в октябре все долги заплатили. (Смех. Аплодисменты). В этом отношении у нас привилегия. Поэтому, если у нас государственная промышленность терпит убытки,—а это так,—то не в пользу иностранцев, как в Германии, а, очевидно, в пользу каких-то внутренних, третьих лиц. Кто эти «третьи лица»? Это—мелкая буржуазия, появляющаяся средняя буржуазия, спекулянт, отчасти деревня, но о деревне будем говорить особо. И мы должны себе сказать, что за первый период НЭП'а наша промышленность работала в убыток. И тут еще нет ничего страшного или угрожающего,—это неизбежный этап,—но мы

должны себе все-таки сказать всю правду целиком: мы за этот год работали в убыток. Если мы возьмем легкую и тяжелую промышленность вместе,—можем еще и транспорт прибавить, можем ему отдельный счет вести, это все равно,—то окажется, что государственная промышленность работала в убыток. Это значит, что если взять ту сумму материальных ценностей, которые имелись у государства в области промышленности год тому назад и сегодня, то мы сегодня беднее, чем год тому назад. В этом нужно отдать себе ясный отчет.

Отдельные отрасли промышленности у нас, правда, хвалятся прибылью. Об этом я еще кое-что скажу позже. Кое-где она, может быть, и есть, а кое-где ее производят на свет при помощи сложных и таинственных арифметических упражнений, которые новая ЦКК вместе с Рабкрином, надеюсь, рассмотрят, как следует быть. (Смех). Но, в общем и целом, легкая и средняя промышленность питались за счет бюджета, а бюджет, главным образом, за счет крестьянского хозяйства. Я сказал уже, что у нас налицо повышение на 43% всей промышленной продукции. Если возьмем горное дело, уголь, нефть, то тут повышение ничтожное. Больше всего повышение на хлопчатобумажной промышленности—с 86 милл. до 191 миллиона,—более, чем в два раза, и на шерстяной—с 72 до 137 миллионов, почти вдвое. Это в миллионах золотых рублей довоенной оценки[1]).

Это в миллионах золотых рублей довоенной оценки. Здесь, стало быть, ясно видна та основная черта, которая характеризует весь вообще первый период нашего хозяйственного оживления: потребительский характер товарообмена между городом и деревней; Урал опережает Юг; легкая промышленность забегает вперед; еще больше вперед забегает кустарь; арьергард, тяжелая промышленность, сильно отстает, делая только первые шаги,—а в совокупности легкая и тяжелая промышленность дают государству пока-что убыток. Неизбежность этого этапа можно понять, даже не вдаваясь в более детальный экономический анализ размеров и причин убытка; можно с самого

---

[1]) Валовая продукция в миллионах золотых рублей:

Отрасли промышлен.	1921 г.	1922 г.	Отрасли промышлен.	1921 г.	1922 г.
1. Цементная	1,1	1,4	11. Резиновая	17,8	38,5
2. Рудная	1,6	1,4	12. Спичечная	4,8	4,6
3. Добыча золота	1,7	7,3	13. Табачная	49,1	30,3
4. „ платины	0,4	1,9	14. Кожевенная	68 9	53,6
5. „ соли	4,3	5,5	15. Хлопчато-бум.	85,9	191.1
6. „ кам. угля	51,4	60,9	16. Шерстяная	71,7	137,4
7. „ нефти	51,9	62,3	17. Льняная	17,0	42.6
8. „ торфа	16,2	14,4	18. Шелковая	1,7	10,5
9. Металлическая	85,8	84,2	19. Пеньковая	6,9	8,3
10. Электро-технич.	8,2	17,4	20. Трикотажная	4,0	5,5
			Итого	550,3	778,8

начала понять, что раз весь аппарат нашего промышленного хозяйства пришел в состояние почти полного замерзания, то для того, чтобы эту огромную машину разогреть и сдвинуть, необходимо было какое-то дополнительное количество топлива. Наш убыток—это и есть чрезвычайный расход на растопку машины, которая почти совсем было застыла, дойдя в некоторых местах, на некоторых заводах до физического, до метеорологического нуля и даже значительно ниже этого. Наш убыток—это дополнительные жертвы, потребовавшиеся с нас для того, чтобы привести в первоначальное движение нашу промышленность. В этом смысле, повторяю, в убыточности самой по себе нет еще ничего угрожающего. Чтобы быть еще более точным, скажу: немыслимо было иначе, нельзя было сразу начать с прибыли. Конечно, мы хватили через край, убыток мог бы, несомненно, быть меньше. Но нельзя было полумертвой промышленности начать с прибыльной работы. Убыток на первых порах был неизбежен. Из того, однако, никак нельзя сделать тот вывод, будто допустимо, чтобы этот убыток вошел в привычку. (Смех). Это есть только наша плата за вход в период оживления хозяйства. Один раз заплатили и довольно. Дальше уже надо приноравливаться к тому, чтобы работать с прибылью. Из конкурентов работают с прибылью уже сейчас кустарь и торговец, которые, если мы зазеваемся, пойдут навстречу друг другу, к ущербу не только для пролетариата, но и для кустаря. И от этого монополией торговли дверей не затворишь, ибо и торговый капитал, и кустарь, тут же у нас внутри везде и всюду. И мы сами для того, чтобы возможно было возрождение государственного хозяйства, дали волю и торговцу, и кустарю, и хлебному рынку и должны были дать. Но, если не сумеем овладеть этим процессом, то из него может вырости опасный противник.

Мы часто говорим, что занимаем командные высоты в промышленности. И это абсолютно правильно. Транспорт в наших руках, металлургия, топливо, важнейшие заводы, банки,—все это решающие командные высоты. Но эти командные высоты, в отличие от геологических высот, либо нарастают, либо падают, понижаются. Гомза не так устойчива, как Эльбрус и даже как Воробьева гора. (Смех) Если мы спросим себя: совокупность наших командных высот сильнее сегодня, крепче, чем год тому назад?—то придется ответить двойственно. Наши промышленные об'единения начинают работать и работают,—в этом обнаруживается их возросшая жизненная энергия, и это огромнейший плюс. Но по совокупности материальных ценностей, которые имеются в их инвентаре, они бедней, чем были год тому назад. Вот двойственный ответ, и он заключает в себе указание—при развитии убыточности—на реальную опасность. Сейчас можно сказать, что в ней еще нет ничего угрожающего. Но при одном условии: если будем ее ясно видеть. А если станем закрывать на нее глаза, то погибнем неизбежно!

Каковы выводы из этого первоначального анализа?

Во-первых, мы переживаем начальную стадию хозяйственного оживления. Это нас спасает от хозяйственного и культурного умирания, которое выражалось, между прочим, и в том, что меньшевики злорадно называли «аграризацией» России, понимая под этим распадение городов, бегство рабочих в деревни. Это—первое капитальнейшее завоевание. Другое завоевание—повышение заработной платы, что является первейшим условием роста жизненной энергии самого пролетариата.

На второй из двух поставленных нами вопросов: кому идет непосредственно, в данный момент, на пользу хозяйственное оживление, мы должны сказать, что в истекший период оно пошло на пользу, в первую голову, торговому капиталу, мелкой и легкой промышленности, в том числе и кустарю. А мы на растопку нашей большой машины затратили известную часть нашего основного капитала.

Кто желает ярче, конкретнее представить себе один из теоретически возможных вариантов дальнейшего процесса,—вариант, враждебный нам,—тот пусть прочтет те главы из книги Владимира Ильича «Развитие капитализма в России», где говорится о капиталистическом «оплодотворении» кустарничества торговым капиталом.

Я сказал, что мы работали в убыток. Это не моя личная только оценка. Ее разделяют очень авторитетные хозяйственники. Я рекомендую взять вышедшую к С'езду книжку тов. Халатова «О заработной плате». В ней имеется предисловие тов. Рыкова, который говорит: «Вступая в третий год новой экономической политики, необходимо признать, что успехи истекших двух лет еще недостаточны, что они нам *не сумели обеспечить даже полной приостановки процесса уменьшения основного и оборотного капитала,* не говоря уже о переходе к накоплению и увеличению производительных сил Республики. Третий год должен сделать нашу промышленность и транспорт в их главнейших частях доходными». Значит, тов. Рыков констатирует, что основной и оборотный капитал за этот год продолжали уменьшаться. «Третий год,—говорит он,—должен сделать нашу промышленность и транспорт в их главнейших частях доходными». К пожеланию тов. Рыкова я присоединяюсь охотно, что же касается оптимистической надежды на третий год, я воздержусь. Чтобы уже на третий год мы сделали основные отрасли нашей промышленности прибыльными, я этого не думаю, и считаю, что будет очень хорошо, если мы, во-первых, лучше подсчитаем наши убытки в третьем году НЭП'а, чем мы это делали во втором, и если сможем доказать, что в третьем году наши убытки по важнейшим отраслям хозяйства—транспорту, топливу и металлургии—будут меньше, чем во втором году. Здесь самое важное—установить тенденцию развития и—помочь ей. Если убыток уменьшается, а промышленность растет, то наше дело в шляпе,—тогда мы дойдем до победы, т. е. до прибыли, но нужно, чтобы кривая разворачивалась в нашу пользу.

Задачи второго периода НЭП'а.

Таков итог первого периода НЭП'а, и из этого итога вытекают задачи второго периода. Задачи эти в их самом общем виде я в сущности уже назвал: нужно сделать все, чтоб общехозяйственное оживление продолжалось, т. е. мы нашей политикой должны внимательно, умело и настойчиво содействовать дальнейшему развитию производительных сил; обмен между городом и деревней должен, в соответствии с этим, принимать все более производственный, а не потребительский характер; наконец, самое главное для нас, как для рабочего государства, чтобы все это оживление направлялось чем дальше, тем более по государственному, социалистическому каналу, т. е. умелой, целесообразной политикой и хозяйственной организацией мы должны отводить на мельницу социализма максимальную часть того, что мы условно назовем прибавочной стоимостью, создаваемой всем трудовым населением нашего Союза.

Примерное душевое потребление главнейших промышленных продуктов в крестьянском хозяйстве.

	Норма душевого потребл.	1913 года.		1922 г. 15 дек.		1923 г. 15 апр.	
		Цена в фунт. ржаной муки.	Стоимость в фунт. ржан. муки.	Цена в фунт. ржаной муки.	Стоимость в фунт ржаной муки.	Цена в фунт. ржаной муки.	Стоимость в фунт. ржаной муки.
Мануфактура	9,4 арш.	4,33	40,7	13,84	130,1	20,07	188,7
Мыло	4,8 ф.	5	24,0	9,2	44,2	13.84	66,4
Керосин	14 фунт.	1,67	23,4	1,97	27,6	3,22	45,1
Кожтовар	1 пар. сап.	233	233,0	550	550	545,70	545,7
Спички	2,3 пач.	3,3	7,6	7,7	17,7	6,33	14,6
Соль	30,4 ф.	0,3	9,1	1,5	45,6	2,35	71,4
Сахар	10 фунт.	4,33	43,3	26,16	261,6	18,30	183,0
Раст. масло	5 фунт.	7,33	36,6	7,72	38,6	7,39	37,0
Всего на одну душу	—	—	417,7	—	1.115,4	—	1.151,9
Повышение в % (за 100 взят 1913 г.)	—	—	100	—	267	—	275

1922 г.
1923 г.
АВГУСТ
СЕНТЯРЬ
ОКТЯБРЬ
НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ
ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ
МАРТ
140
130
120
110
100
90
80
70
60
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ТОВАРЫ
ОБЩИЙ ИНДЕКС ДОВОЕН. ПОЛОЖЕНИЯ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕН. ТОВАРЫ

Какие же пути к этому? Первый и основной путь мы как будто знаем твердо,—это смычка города с деревней. Смычка—это превосходное выражение, но мы его так часто употребляем, что сплошь да рядом забываем его содержание.

Поэтому нужно сейчас подойти к вопросу о смычке несколько более конкретно. Вопрос касается в первую голову обмена продуктов сельского хозяйства на продукты промышленности. Перед крестьянином, с одной стороны,—кустарь, частный промышленник, торговец, контрабандист; с другой стороны — об'единенная национализированная промышленность. Доступны ли крестьянину продукты этой последней? Каково соотношение цен между продукцией сельского хозяйства и промышленностью? У нас есть комиссия внутренней торговли, во главе с т. Лежавой, которая подсчитала месяца три тому назад—эти цифры вам, вероятно, известны,—что крестьянин за мануфактуру, за мыло, за керосин, за кожевенные товары, за спички, соль, сахар и растительные масла, в том количестве, которое ему нужно в обрез в его обиходе, должен теперь платить на 167% больше, чем он платил в 1913 г., т.-е. он должен давать вместо 1 фунта хлеба за соответственное количество продуктов—2,67 фунтов, в $2^2/_3$ раза больше. Я вчера справлялся у т. Лежавы, как обстоит дело сейчас, спустя эти 3 месяца. Ответ: ожидали облегчения, оказалось ухудшение. Коэффициент повысился до 175%, т. е. крестьянин уже платит за необходимые ему продукты городской промышленности в $2^3/_4$ раза больше хлеба, чем в 1913 г. [1]).

Для наглядности, товарищи, я вам представляю вот эту простую диаграмму,—одну единственную, больше показывать не буду. Она очень выразительна. Три линии изображают движение цен. Это—уровень цен в виде синей линии и красной линии, а вот здесь, черная линия — это общий уровень, который был в 1913 г., синяя линия выражает цены на промышленные товары. Они в августе прошлого года были ниже уровня 1913 г., затем стали подниматься, скоро превысили довоенные цены и все ползут и ползут вверх. А вот цены сельско-хозяйственные, в виде красной линии: они в августе стояли выше цен 1913 г., потом опустились до довоенного уровня, а вот здесь вы видите сегодняшний день. Это—увы,—называется «смычкой», пока что. (Смех). Нужно твердо в этот образ вдуматься; две основные линии идут все более врозь, и эта раскаряка называется «смычкой». На самом деле это и есть сегодняшняя основная проблема российской хозяйственной жизни. Эта диаграмма говорит нам без слов, на каком пути нужно искать ключ к социалистическому развитию.

Правда, есть целый ряд соображений, которые смягчают тяжкий характер этой диаграммы,—вот этих ножниц. Некоторые из этих соображений,

---

[1]) См. таблицу „Примерное душевое потребление".

очень меткие и ценные, приведены в только, что вышедшей книжке тов. Ларина [1]). Я из этой книжки прочитал только одну главу, очень, повидимому, счастливую главу, хотя и здесь тов. Ларин виноват в чрезмерном оптимизме... Тут много говорилось о неправильных взглядах тов. Ларина на вопрос о соотношении между пролетариатом и крестьянством. Тов. Ларин, с своей стороны, доказывал, что он защищал повышение налоговых ставок на 20% и что это было проведено. Весьма возможно. Но, ведь, совсем не в этом вопрос. Я допускаю, что тов. Ларин в таких подсчетах очень многим даст несколько очков вперед: иной раз он, правда, жестоко ошибается, а в другой раз проявит счастливую инициативу. Но вопрос, о размере налогов на крестьянина—не платформенный вопрос, на тему о крестьянофильстве,—нет, это вопрос классовой бухгалтерии пролетариата, как господствующего класса. Ошибка тов. Ларина не в том, что он говорит: «налоги в данное время надо повысить на 20 процентов»; это—вопрос практический, надо с карандашем подсчитать, до какой точки можно налоги повышать, чтоб крестьянское хозяйство могло повышаться, чтоб крестьянин в будущем году стал богаче, чем в нынешнем.

Но если из этого повышения сделать «платформу», то она довольно неожиданно может превратиться в платформу класса против класса. Вот в чем гвоздь вопроса. Но насчет соотношения цен тов. Ларин делает некоторые правильные замечания. Действительно, уровень 13-го года вовсе не обязателен для 1923 года. Тов. Ларин говорит, что крестьянин может в течение известного, наиболее тяжелого для промышленности, периода потерпеть,—потерпеть вот это расхождение цен, которое вы видели на диаграмме. Да, конечно, потерпеть может, но в каком об'еме и до каких пор: ибо ведь существует кустарь, существует торговый капитал, возможна смычка между ними—это раз, а, во-вторых, существует—и это фактор не последнего значения—контрабанда. Когда расхождение цен между товарами сельского хозяйства и промышленности доходит до таких пределов, что первые падают по сравнению со вторыми в $2^3/_4$ раза,—то это долго держаться не может. Худо ли, хорошо ли, но мы живем не на изолированном острове, а имеем, и довольно пространные, сухопутные и морские границы, через щели которых идет контрабанда. Контрабанда имеет, так сказать, свою силу давления, и чем выше премия, то-есть разница цен,—тем настойчивее и решительнее контрабанда будет разбивать преграды, и никакая монополия торговли, никакая пограничная охрана не оградят нас от давления мирового рынка, особенно для предметов крестьянского потребления на огромной при-

[1]) Ю. Ларин. „Итоги, пути, выводы новой экономической политики". Изд. „Московский рабочий". 1923.

граничной полосе, не оградят, следовательно, и на внутреннем центральном рынке, если мы эти два рычага цен—синий и красный— не сблизим сколько-нибудь значительно.

Как сблизить? Первое дело—это экспорт хлеба, который означает повышение сельско-хозяйственных цен. Другими словами, рабочее государство говорит крестьянину: «в качестве посредника, вполне добросовестного и благожелательного, между тобой, крестьянин, и капиталистической Европой, я беру на себя миссию продать за границей твой хлеб и оттуда привезти то, что нужно для поднятия нашего общего хозяйства». Вопрос экспорта нашего хлеба—задача огромной важности, если, разумеется, мы будем продавать хлеб с барышем и если значительнейшая часть барыша пойдет на промышленность. Но тут возникает вопрос: нужен ли вообще наш хлеб, возьмут ли его от нас? Мы живем в эпоху белой горячки фашизма, всякие виды блокады могут возобновиться. Не образуют ли они хлебной блокады? Хлеба у американцев сколько угодно,—они откармливают им свиней и даже сжигают «излишки». Америка может продавать Европе хлеб, пожалуй, не дороже нашего. За время войны и революции Америка на 90% завладела нашими прежними рынками сельско-хозяйственного сбыта. Есть ли у нас надежда их вернуть? Здесь, товарищи, без всякого незаконного оптимизма можно сказать: надежда есть. И не только надежда, но почти-что полная уверенность. Почему? Потому, что Европе за американский хлеб нечем платить. Что это значит? Вы знаете, что мировое золото Америка за последнее десятилетие у себя собрала. Европа ей должна сейчас свыше 20 миллиардов руб. зол. и не может, кроме Англии, даже процентов платить. Тем более Европа не может, не рискуя окончательно погубить свою валюту, уплачивать золотом за американский хлеб; она могла бы платить только продуктами промышленности. Но беда в том, что Америке от Европы ничего не нужно: ни средств производства, ни предметов потребления, ни даже предметов роскоши; на бриллианты, жемчуга и пр. сейчас наложены в Америке бешеные ввозные пошлины. Голодная Европа, стало-быть, поставлена в положение, не очень похожее на положение буриданова осла, т. е. на такое положение, где есть свобода выбора—между американским хлебом и нашим хлебом,—ибо за заокеанский хлеб надо платить золотом, т. е. увеличить дефицит, торговый пассив и разоряться, подрывая свою валюту. За наш же хлеб можно платить нам машинами и фабричными предметами потребления (последних, разумеется, мы будем брать, как можно меньше). Стало быть, капиталистическая Европа вынуждена будет есть...—говорю «есть», чтобы не употреблять другого, более невежливого слова (Смех)—вынуждена будет есть наш советский хлеб даже при фашизме. (Аплодисменты). Разумеется, Внешторг постарается на этом деле получить большие барыши; главная доля этих барышей должна будет питать нашу промышленность, столь нуждающуюся в капитале. Это все перспективы, несомненно, очень отрад-

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

ные. И, главное, перспективы вывоза крестьянского хлеба на Запад вполне реальны, и можно полагать с уверенностью, что вывоз наш будет из года в год расти.

Этот начинающийся вывоз мы тоже подводим под общую категорию смычки, но эта смычка пока что намечается между русским, украинским и иным крестьянином и европейским капиталом. Это еще не та смычка, которая нам нужна. При помощи вывоза за границу мы, несомненно, поднимем цены на хлеб, на крестьянское сырье и у себя внутри. Разумеется, не до того уровня, по какому в Европе будем продавать, иначе рабочее государство не будет иметь на этом деле прибыли, наши рабочие будут дорого платить за хлеб и промышленность не будет подниматься. Но если мы будем иметь только торговую или посредническую прибыль от экспорта, не улучшая собственной промышленности, не понижая себестоимости ее продуктов, то это будет только увеличивать связь между крестьянским хозяйством у нас и капиталистическим хозяйством на Западе, а это, в свою очередь, может иметь совсем не те последствия, какие нам нужны; сама монополия внешней торговли могла бы в этом случае оказаться под знаком вопроса.

Нам нужна—не будем этого забывать—как условие нашего советского самосохранения, смычка между нашей госпромышленностью и нашим крестьянским рынком. И здесь мы вплотную подходим к вопросу о нашей промышленности, ее внутренней организации, ее детских болезнях, слабостях и пороках.

Общее состояние промышленности.

Соотношение цен изменилось в $2^2/_3$ раза, по сравнению с довоенным временем, а промышленность работает, тем не менее, в убыток. Чем это об'ясняется? Тем, что промышленность организована нерационально. Как это ни парадоксально, мы страдаем не только от бедности, но и от «богатства»: мы слишком тяжело вооружены для борьбы на нынешнем слабом рынке. У нас сохранилось оборудование, если не на 100%, то на 75% довоенного и военного производства, а мы пользуем это оборудование на 17—20%, максимум на 25%. Между тем, все национализированное оборудование мы тащим на себе.

Наши тресты во многих отношениях похожи на наши старые партизанские «армии»: 500 штыков, 3 отряда самолетов, 2 радио-станции и проч. и проч. Я не говорю уже о количестве салон-вагонов и маршрутов с разными «пособниками» обоих полов. (Смех). Наши тресты, в значительной мере, имеют еще эту партизанскую структуру—не только по их вине, не только по нашей вине—конечно, и вина тут есть, но и потому, что оборудование, аппарат, оснастка, об'ективно не отвечают той производственной энергии, которую они пока-что могут развивать.

Первый вывод, который отсюда следует сделать, это *концентрация промышленности,* сосредоточение производства, на ближайшие годы, на наилучше оборудованных, наилучше расположенных в географическом и в торговом смысле предприятиях. Эта работа производится, но медленно, вяло. Она, правда, наталкивается на величайшие затруднения—и материального характера, и политического, и морального. Мы сталкиваемся с необходимостью увольнять рабочих и работниц. Это твердый, очень твердый орех, который нашей партии придется в течение ближайшего года разгрызать. Уклониться, однако, нельзя, ибо было бы величайшим малодушием со стороны рабочего класса в целом и его партии, если бы они маскировали безработицу, т. е., содержали на заводах лишнее количество рабочих и работниц, еле работающих, полуработающих, на треть работающих, для того только, чтобы не обрекать их на открытую безработицу. Не может быть никакого сомнения в том, что замаскированная безработица представляет собою худшую, наименее действительную, наиболее дорого стоющую форму социального обеспечения. И прежде всего эта фальшивая форма социального обеспечения развращает наш хозяйственный аппарат, который не может в этих условиях правильно считать, подводить итоги, калькулировать, предвидеть, который воспитывается в духе бессмысленной расточительности и безответственности. Поэтому наша партия должна будет со всей настойчивостью, твердостью и осмотрительностью помочь хозяйственным органам и профсоюзам в течение ближайшего времени произвести эту, в высшей степени ответственную и тяжелую, работу промышленной концентрации. Разумеется, проводить мы ее будем со всею обдуманностью, с величайшей предусмотрительностью, ибо тут грубые ошибки были бы особенно пагубны. Мы скажем при этом совершенно открыто рабочим и работницам страны: чем только рабочее государство сможет помочь безработным, оно поможет им, и через профсоюзы, и через местные советы, и другими путями. Но при данном состоянии нашего хозяйства вертеть весь нынешний аппарат промышленности нам не под силу, и поддерживать рабочих через этот вертящийся на три четверти на холостом ходу аппарат невозможно, недопустимо, преступно. Лучше, правильнее и здоровее непосредственно и открыто поддерживать безработных, чем замаскированным путем. Нельзя вести хозяйство с потушенным фонарем.

Реорганизация трестов производится сейчас ВСНХ. Нужно эту работу поддержать, углубить и ускорить. Первая нарезка трестов была суммарная, примитивная, на глаз,—были грубые ошибки и несообразности—да и как иначе?—это была по необходимости бюрократическая, канцелярская нарезка трестов,—промышленно-торговые об'единения, рассчитанные на приспособление их к рынку, созидались методами военного коммунизма, т. е. методами централистического главкократического предугадывания и усмотрения сверху. Теперь мы уже значительно лучше знаем соотношение между трестами и рынком, имеем некоторую проверку планов сверху—опытом снизу. И новая на-

резка или перегруппировка, которая производится сейчас, будет, вероятно, значительно более совершенна. Но она должна производиться более решительным темпом на основе жесткой концентрации производства.

Накладные расходы—о них пишет теперь вся наша пресса—представляют поистине бич наше йпромышленности. Они разного порядка. Одни вытекают из направильной постановки дела на заводах, из внутренней природы нынешних трестов, из надстроек над ними, из свойств вавилонской башни бюрократического хозяйственного аппарата; другие являются совершенно внешними и посторонними делу промышленности, наваливаемыми извне на шею хозяйственным органам,—только потому, что кто-нибудь должен же платить...

Эти лишние, неправильные, нецелесообразные и незаконные накладные расходы имеют не только огромное материальное, но и крайне важное воспитательное значение, разумеется, целиком и полностью отрицательное. Там, где трестовики, директора, вообще хозяйственники считают возможным по собственному произволу направлять средства из своего оборотного капитала на цели и задачи, очень почтенные, очень важные, но не имеющие ничего общего с производством и промышленностью; или там, где предмет, который из данной мастерской выходит стоимостью в золотой рубль, пройдя через все инстанции, наверху стоит уже 3 целковых, а докатившись до потребителя—5 или 6 рублей; там, где расходы так безобразно навертываются, как лавина,—там забота об экономии исчезает, хозяйство становится расточительным, чувство ответственности у хозяйственника не укрепляется, а расшатывается. Более правильная, более научная организация труда на фабрике и заводе; более правильное использование рабочей силы; упразднение всяких лишних пристроек и надстроек; беспощадное сокращение штатов, ликвидация лишних представительств, агентур, всяких вообще бездельников!

Крайне развращающее влияние имеют, как сказано, посторонние промышленности расходы — на культурно-просветительные задачи, на шефство, в том числе и военное, на так называемую «нерациональную рекламу», и прочее, и прочее, и прочее. Остановлюсь на шефстве. 20-го ноября 1921 года, в Туле, я обратился в Исполком с просьбой, позаботиться о тамошней дивизии, которую мы тогда же вместе решили назвать Тульской,—и взять на себя шефство над ней, позаботиться о казармах, о красноармейцах, о командном составе, который находился в тяжелом положении. Тульский Губисполком и Губком пошли навстречу. Это было в период, когда хозяйственный расчет, баланс, калькуляция, были еще более туманны, чем сейчас. Примеру Тульского Губисполкома последовали другие. Это потом перебросилось (сознаюсь, при моем участии) на комиссариаты, на тресты и проч., и проч. В известный период это было спасением для армии. Очень приятная вещь—оказывать поддержку и получать ее. Но в то же время, если хорошо вдуматься, это никак не метод правильного, рационального хозяйствования. Эко-

номить, экономить на всем,—призывал тов. Ленин,—урезывать расходы даже в культурно-просветительной области. Сбережения! Для чего? В первую голову для промышленности, и особенно для тяжелой. Экономить всюду и на всем, урезывать до крайности расходы на культурно-просветительные нужды, на армию, на печать,—все это с тем, чтобы поддержать промышленность, снабдить ее необходимыми оборотными средствами. Но как только эти самые средства дошли до треста, тут и Наркомпрос, и Наркомвоен, и местные власти, и губкомы, и райкомы, и профсоюзы обступают этот самый трест со всех сторон: у всех требования, предложения, поручения и все с самыми лучшими целями. И уже это не трест, ради которого сделана экономия во всех областях, а нечто вроде смехотворного чеховского дачного мужа, который обвешан покупками, посылками, поручениями со всех сторон... Идейное, морально-политическое шефство должно сохраниться и углубиться. Но расходование на это *государственных, бюджетных* средств должно быть сведено к строго определенному минимуму. Гораздо целесообразнее повысить прямые расходы государства на армию, чем передавать эти средства косвенно, через тресты, в бесконтрольном порядке. Во всяком случае, это дело требует серьезной и обдуманной регулировки.

К этому присоединяются уже явно бессмысленные и преступные расходы, например, под видом рекламы. Я встретил такую формулу: «нерациональная реклама»,—это в интересной обзорной статье тов. Кактыня в «Экономической Жизни». «Нерациональная реклама»—это, как вы сейчас убедитесь, очень «парламентское», слишком парламентское выражение. Когда тов. Ногин здесь рассказывал, как в диване нашли деловые бумаги (хорошо, что только бумаги; в иных советских диванах можно иногда найти кое-что другое (Смех),—то тов. Ногин сказал так: «мягко выражаясь, это—абсолютный хаос». Вот и я говорю: мягко выражаясь, у нас процветает «нерациональная реклама». По правде говоря, огромная часть печати живет на счет этой «нерациональной» рекламы. Везде, во всех городах, нимало не исключая Петербурга (голоса из петроградской делегации: «Знаем»). Что вы это знаете,—я в этом не сомневаюсь, Но не все знают, я и другим покажу! (Смех). Вот эта книга—«Справочник для агитаторов и пропагандистов». Очень хороший справочник. В нем 180 страниц полезнейшего текста, а потом—96 страниц об'явлений! 96 страниц! Тут все комиссариаты отличаются, все хотят быть «полезны» партии; Наркомвнешторг публикует здесь об аукционе картин, бронзы, фарфора, хрусталя, ковров. Как же, в самом деле, партийному агитатору без бронзы и хрусталя (Смех). Конечно, и финотдел тут как тут. Он публикует по 86 статье об'явление «для сведения всех владельцев торговых и промышленных предприятий». Мне, к сожалению, неизвестен процент владельцев торговых предприятий среди петербургских агитаторов! (Смех). Конечно, Петролес не отстает от других. Хороший партийный товарищ, стоящий во главе Петролеса и желающий оказать содействие

партии, дает об'явления об экспорте леса. Военная промышленность тут как тут, ведь, и она не лыком шита. Словом, тут сосредоточено все, что нужно хорошему партийному агитатору. (Смех). А вот маленькое издание: «Свердловец»... Можно-ли, товарищи, удивляться, если милейшие наши свердловцы— наша молодежь, пишут тут статьи на тему о том, что НЭП их не затронет. Что бы там ни было, но их-то НЭП не затронет! И это правда. В этом мы не сомневаемся. Но об'явления ради «хозрасчета» есть и у них. Заглянем сюда: на первом месте об'явление Главного Управления государственных автомобильных заводов. Для свердловцев, конечно, вещь необходимая! Наиболее целесообразным считаю об'явление Чаеуправления: наша молодежь пьет чай, по крайней мере, иногда. Об'явления о «лучших винах»... Насчет этого ничего не могу сказать (Смех). Товарищи, если мы потратили на так называемую «нерациональную рекламу» пять минут, то это оправдывается не только тем, что мы попутно посмеялись немножко; думаю, что мы все-таки положим после С'езда этому безобразию конец. (Аплодисменты). Вопрос имеет, как-ни-как, и материальное значение. В справочнике, который должен быть всегда под рукой, испортили 100 страниц абсолютно бессмысленными, никому ненужными об'явлениями. Увеличили книжку на одну треть,—стало быть, она обходиться на треть дороже издательству, которое, пожалуй, еще гордится своей деловитостью. Ведь это «самоокупаемость» и «хозяйственный рассчет!». Расточение денег, расточение бумаги называется самоокупаемостью. Какое влияние это окажет на пропагандиста, на агитатора? Он обязан раз'яснять: у нас теперь в порядке дня экономия, хозяйственный рассчет, калькуляция, точность! Ни одной копейки даром не тратить! Ведь, именно этому учит его своими статьями «Спутник агитатора». А чему он учит его своими об'явлениями? С этим нужно радикальнейшим образом покончить,—так, чтобы следов не осталось. Но покончить с этим, как и со многими другими грехами, мы сможем только в том случае, если заведем режим отчетности и ответственности.

В «Экономической Жизни» была не так давно статья: «Когда же мы, наконец, наладим государственную отчетность?». Эта статья обошла белую печать и значительную часть иностранной буржуазной печати, где, конечно, злорадствовали. Но статья эта, по моему мнению, прекрасная, хотя и горько было читать ее. Нам нужна отчетность, как воздух, как вода. Без отчетности мелкий лавочник не может торговать селедкой и колбасой, а мы имеем «лавочку», которая, как нередко повторяют, занимает одну шестую часть земной поверхности, отчетности же мы до сих пор не завели. Не мудрено и проторговаться. При рассуждениях об отчетности обычно выдвигается, что отчетность необходима для таких-то и таких-то высоких учетных, плановых и прочих целей. Все это верно. Но прежде всего отчетность нужна для того, чтобы не воровали. Это есть первая функция отчетности: *чтобы не воровали!* (Аплодисменты).

Постановка отчетности и калькуляции.

И тот факт, что у нас отчетности нет, есть прямая провокация на воровство, есть школа развращения хозяйственников, управляющих всякими предприятиями, школа, от которой мы погибнем, если партия не возьмет в руки, я уже не знаю какого инструмента (в эпоху новой экономической политики нельзя применять очень жестких инструментов!), какого-либо крепкого инструмента, при помощи которого заставит всех завести отчетность. Это первое условие. Отчетность еще не значит, товарищи, баланс, не значит калькуляция. Последнее—гораздо более сложные вещи. Но просто записать, закрепить, заштемпелевать так, чтобы нельзя было украсть, чтобы не лежало без призора! В этом начало спасения и предпосылка всей остальной хозяйственной мудрости.

Отчетность должна будет стать исходным пунктом для калькуляции для баланса, потому что нельзя торговать с прибылью, если воруют, нельзя уберечь от воровства, если нет отчетности. Но нельзя торговать с прибылью, если нет калькуляции, т. е. подсчета, чего это стоит тебе, и что тебе за это дают, и сколько у тебя при этом получается барыша или убытка. Как у нас обстоит дело с калькуляцией? Есть данные РКИ, которые говорят, что, примерно, на 80% нака калькуляция произвольна. (А что и на остальные 20% она хромает на обе ноги, об этом хоть и не сказано, но это можно принять на веру заранее). На 80%, по официальному признанию РКИ, наша калькуляция произвольна. Из трестов, которые были обследованы комиссией товарища Куйбышева (одно из лучших обследований по подходу; есть некоторые недостатки, но существо подхода, по-моему, правильно и дало ценные результаты), один трест показал прибыль в 4 триллиона, а РКИ доказывает, что у этого прибыльного треста 750 тыс. золотом убытка!

В чем состоит это чернокнижное искусство калькуляции? Относительно нашей хлопчатобумажной и шерстяной промышленности сейчас не секрет, что та и другая проторговались. Каким путем? Они спустили свое сырье, хлопок и шерсть, по фиктивным ценам. Я приведу вам данные относительно одного из лучших, насколько я осведомлен, трестов,—Моссукно. Эти данные инженера-калькулятора Спроге. Я вызывал его по этому делу и с ним толковал. Вот его таблица. Сырье входило в 1913 году в себестоимость штуки или аршина сукна в количество 70%, т. е., если аршин сукна стоил рубль, то тем самым ты платил 70 коп. за сырье и 30 коп. за все остальное, вместе с прибылью. А в январе 1922 года сырье входило в себестоимость сукна в размере лишь 26%. Не 70 коп. на рубль, а 26 копеек. В апреле—на сырье клали 36%, в июле—27%, в сентябре—43%. Что это значит? Это значит, что тресту

нужен был оборотный капитал. Рынок не поглощает сукна. Но продать нужно, чтобы получить деньги. Продать ниже себестоимости,—это не соответствует, так сказать, принципам НЭП'а. Поэтому нужна «калькуляция». Она и приходит на помощь. Калькулируют по фиктивным ценам сырье. И это так везде и всюду. Разумеется, в калькуляцию не вносят процентов на основной, а иногда и на оборотный капитал. В калькуляцию, сплошь да рядом, не входит амортизация, и уже всегда и без исключения в калькуляцию не вносят земельную ренту. Мы, слава богу, страна социалистическая! Земля у нас национализована, т. е. земля у нас ничья, «божья», поэтому ренту считать—это почти нарушение партийной программы. (Смех). Вот я сейчас покажу это на одном примере, на Азнефти. Азнефть—не малое предприятие, дает доход! Я даже с одного очень ответственного работника Азнефти взял расписочку: «У меня,—говорит—не помню, не то миллион семьсот тысяч, не то около этого, прибыли золотом». «Распишитесь». Расписался. У меня лежит документ. Но если возьмем аренду нефтеносной земли, то она прежде входила в себестоимостсь в размере 20%, а сейчас против этой графы стоит ноль. Почему? Да как же! Мы живем в советской республике (Азербейджан, ведь, советская республика), земля национализована, что же мы будем сами себе ренту платить, что-ли? Я даже читал в одной очень умной статье в «Экономической Жизни» рассуждение в таком роде: «если даже признать, что вопрос о ренте является спорным при нашем строе, то амортизация капитала—это совершенно бесспорно». Почему это вопрос о ренте является спорным? Возьмем вопрос в масштабе земного шара. Советское государство есть собственник советской земли—рядом с другими собственниками за нашими границами. Мы добываем нефть. Но мы можем эту нефтеносную землю сдать и в аренду: мы, ведь, концессии допускаем. Что же, если явится к нам концессионер и скажет: ренту в каком размере включить в договор,—не ответим-ли мы ему: ренту?—Это только презренные буржуи берут ренту. Мы—честная советская страна!

Хлеб мы вывозим. И в этот хлеб мы ренту должны вколотить. Мы должны получить ее с рынка, а для этого должны учесть ее. Это ребяческий предрассудок, будто бы при советском строе мы должны игнорировать ренту. Мы обязаны рассуждать так: вот, милый человек, от Азнефти у тебя дохода столько-то. Ну, а если бы мы эту землю сдали иностранному концессионеру, он бы ренту платил нам, и может быть, было бы выгоднее. Надо различать земельную ренту, процент на капитал, промышленную прибыль и торговую прибыль.

Вот эту, товарищи, черную и белую магию калькуляции нужно истреблять тем же самым жестким инструментом, как и отсутствие отчетности вообще. Ибо и воровство, и хищничество, и расточение нашего государственного достояния под формой произвольной, фальшивой калькуляции

можно вести еще с большим успехом, чем без всякой отчетности. Прежде, во времена военного коммунизма у нас при хищении говорили: «реквизнул». Потом пошла эпоха: «спекульнул». Я боюсь, что мы подходим к эпохе, когда станут говорить: «калькульнул» (С м е х). Завести калькуляцию, которая не была бы прикрытием хищничества, а давала бы возможность учета себестоимости, а, стало быть, и оперирования на рынке, есть, товарищи, одна из важнейших наших задач. Мы раньше говорили: социализм—это учет. Это остается, в общем и целом, правильным и в нынешнюю переходную эпоху. Социализм есть учет. Но калькуляция есть форма учета, приноровленная к рынку, т. е. свойственная новой экономической политике. Стало быть, калькуляция есть путь к социализму, а не бухгалтерская, канцелярская, техническая подробность. Без калькуляции мы не придем никогда к под'ему промышленности, не говоря уж о социализме. Один раз Владимир Ильич на С'езде сказал о плане электрификации, как о второй партийной программе. Конечно, калькуляцию на такую высоту никто из нас поднимать не возьмется. Мы даже и в устав ее не поместим. Но привести ее в соприкосновение с партийным билетом придется, т. е. отсутствие калькуляции вписывать в партийный билет. Это один из путей к тому, чтобы показать государственно-партийную важность этого вопроса.

Взаимоотношения между трестами и предприятиями.

Основой хозяйственной деятельности является отдельное предприятие: фабрика и завод, а на фабрике и на заводе—цех, и отсюда нужно исходить. Общественное мнение нашей партии начинает, повидимому, отдавать себе отчет в том, что во взаимоотношениях государства, треста и завода мы до сих пор, т. е. в первом периоде, наблюдали два зла. Тресты были чрезвычайно центробежны по отношению к государству, по отношению к ВСНХ, как высшему промышленному органу государства, т. е. маневрировали и оперировали, как в голову приходило, вплоть до раздачи денежных средств на посторонние цели.

Если тресты дошли до такой самостоятельности, безусловно неправильной, беззаконной, если они развили такую страшную «трестобежную» энергию по отношению к государству, то, с другой стороны, по отношению к отдельным предприятиям внутри трестов они проявляют до сих пор чрезвычайно «трестостремительную» энергию, т. е. не дают дышать отдельным заводам. И задача Положения, которое вырабатывалось в комиссии тов. Каменева и сейчас опубликовано (в нем, с моей точки зрения, есть ряд существенных дефектов, но в общем это—большой шаг вперед),—задача этого

Положения и дальнейших положений и инструкций, которые должны быть выработаны по отношению к отдельным предприятиям, состоит в установлении необходимого равновесия между государством, трестом и заводом. Разумеется, тут не может быть и речи о какокм-нибудь шаблоне, т. е. об общей норме отношений между трестами и предприятиями. Это зависит от характера данного производства, от степени концентрации его производственной деятельности и торговли, от об'ема и размаха рынка, но общим законом должно быть, что трест централизует и подминает под себя только те производственные и торговые операции, которые для этого созрели, т. е. подготовлены к этому об'ективным развитием самого производства и рынка.

Предпосылкой такого подвижного равновесия является самостоятельная калькуляция каждого завода и каждой фабрики и самостоятельный баланс. Каждое предприятие должно быть не неподвижной, а эластической пружиной соединено с трестом, и каждый завод должен иметь возможность проверять, выгодны-ли для него те или другие операции треста или невыгодны. И наоборот. Завод должен иметь возможность доказать тресту, что ему выгодно действовать именно так, а не иначе,—ибо, в противном случае, мы будем иметь в лице трестов старую главкократию, которая только загримировалась применительно к условиям новой экономической политики. Через самостоятельную калькуляцию и баланс отдельных предприятий можно будет, как через прозрачное стекло, проверять, какую степень централизации допускает данная область промышленности, данный трест.

Заработная плата.

В области заработной платы у нас, товарищи, нет каких-либо принципиальных затруднений. Был момент, когда казалось, что между хозяйственниками и профессионалистами назревают недоразумения в этом вопросе. Центральный Комитет организовал комиссию под председательством т. Рыкова, которая проделала серьезную работу. По поручению этой комиссии, я, между прочим, принимал участие в обследовании заработной платы на Краснопресненской Трехгорной Мануфактуре. Была определена роль заработной платы в себестоимости и роль накладных расходов. Предприятия брались из разных отраслей промышленности, и несомненно, что те факты, которые установлены, являются сейчас более или менее бесспорными. Эти факты таковы: значительный под'ем заработной платы, столь же и еще большее повышение производительности труда, улучшение качества производимого продукта; забегание вперед заработной платы в легкой промышленности; чрезвычайное отставание заработной платы в тяжелой промышленности и транспорте. Отсюда вывод, который был сделан совершенно едино-

гласно, в том смысле, что нужно выравнять фронт, т. е. не допускать того, чтобы спазмы нашего еще неустойчивого, капризного рынка определяли заработок различных отраслей промышленности. Нужно, чтобы профсоюзы рука об руку с государственным аппаратом и его хозяйственными органами выравняли этот фронт и чтобы тот временный избыток прибыли,—если можно сказать это про наши предприятия,—какой получается в легкой промышленности, шел не только рабочим легкой промышленности, но содействовал бы и повышению заработка в тяжелой промышленности и в транспорте. Общего вопроса об отношении профессиональных союзов и хозяйственных органов не существует, как вопроса. Резолюция XI С'езда партии, которая была подтверждением резолюции, написанной Владимиром Ильичем и принятой единогласно Центральным Комитетом между X и XI С'ездами, остается целиком бесспорной и ныне для определения политики профсоюзов в условиях переходной эпохи.

Финансирование предприятий.

Финансирование предприятий: и на этот счет будет достигнуто, мы надеемся, единогласие. Финансирование предприятий есть руководство предприятиями, есть на три четверти или, по крайней мере, на половину управление промышленностью. Кто финансирует—тот командует. В Европе и в Америке об'единение промышленности, централизация ее, перестройка ее совершались за последние десятилетия прежде всего через посредство банков, через посредство финансового капитала. И у нас, при централизованном характере нашей промышленности (централизованном, прежде всего, в смысле принадлежности государству, единому распорядителю), финансовый аппарат является, и чем дальше, тем больше будет становиться основным аппаратом управления промышленностью. Конечно, управление не в смысле администрирования на каждом заводе; управление в том смысле, что одному заводу разрешается жить, а другому приказывается умереть. Это делает банк путем финансирования или отказа в финансировании. И ВСНХ останется, несомненно, пятой спицей в колеснице, если не будет иметь в своих руках аппарата финансирования промышленности. Это нужно ясно и отчетливо понять. Разумеется, ВСНХ может односторонне подходить к задаче, но, ведь, и ВСНХ ходит под законом. Есть СТО, над СТО есть другие учреждения и есть партия. Программа дается ВСНХ сверху; над выполнением этой программы надлежит, разумеется, наблюдать; но для проведения программы должен быть дан в руки ВСНХ финансовый насос. Вот почему финансирование промышленности, чем дальше, тем больше, должно быть сосредоточено в одном кредитном учреждении—в торгово-промышленном банке, который

при нашей структуре будет по существу филиалом государственного банка, предназначенным для специальной миссии. Финансирование будет совершаться не с точки зрения того, что вот, например, колбасные предприятия дают сегодня прибыль, а поэтому имеют право на кредит, а с точки зрения заглядывания вперед на ряд лет.

Внутренняя и внешняя торговля.

Перехожу к внутренней торговле. Руководитеки ВСНХ, как вам небезызвестно, требуют, чтобы ВСНХ, комиссия внутренней торговли и комиссариат Внешторга были об'единены в один комиссариат торговли и промышленности. Я не думаю, что мы на этом С'езде вынесем такое решение, и прибавлю, что у меня отнюдь нет уверенности, что развитие пойдет по этому именно пути. Но так как производство сейчас ведется полностью и целиком в товарной форме, прямо поступая на рынок или исчисляясь по рыночным нормам,—то промышленность должна быть поставлена в большую согласованность с нашей внутренней и нашей внешней торговлей. Формы для этого нужно найти.

Что касается внешней торговли, то, как вы помните, X С'езд Советов вынес чрезвычайно важную резолюцию о небходимости планового характера внешней торговли, в том смысле, что внешняя торговля не есть только торговля, а является составной частью советского хозяйства и должна не противодействовать развитию промышленности, а обслуживать ее. Для этого: плановое нормирование внешней торговли, заглядывание вперед и согласование с интересами промышленности. Конечно, предпосылкой всему этому является *монополия внешней торговли*. В резолюции по докладу Центрального Комитета вы дали отчетливое подтверждение монополии внешней торговли, и это необходимо было сделать для того, чтобы устранить возможность каких-бы то ни было колебаний и шатаний в этом вопросе, какие были у нас в течение последнего года и каких мы не можем больше допустить, ибо это вопрос основной.

Если спросить: на чем зиждутся наши надежды на развитие социализма в нашей стране, то мы скажем: во-первых, политическая власть партии, подкрепленная Красной Армией; во-вторых, национализация средств производства; в третьих, монополия внешней торговли. При отсутствии одного из этих элементов все здание падает. Если нет национализации средств производства, диктатура партии есть пустая форма без содержания. Если нет монополии внешней торговли,—национализация средств производства есть жалкий самообман. Почему? Потому, товарищи, что мы дьявольски бедны,

а враги наши богаты. Я вот проделал для себя небольшое арифметическое упражнение, которым с вами поделюсь. Если Американские Соединенные Штаты сравнить с нашими Соединенными Советскими Штатами—количество населения не столь уж отличается от нашего,—то увидим ужасающий контраст богатства и нищеты. Наш годовой доход—5 миллиардов, чуть-чуть больше. Доход Соединенных Штатов—130 миллиардов золотых рублей в год. На душу это составляет, считая и младенцев, в Америке—1.300 руб.; а у нас 38 рублей. Капитала, вложенного в промышленность, у нас считается 2½ миллиарда золотых рублей, а в Америке—90 миллиардов, т. е. в 36 раз больше. Золотой резерв 31 государства, без России, составляет 16 миллиардов довоенных рублей (сколько с Россией—мы говорить не будем). 16 миллиардов золотых рублей на 31 государство, а на долю Америки приходится 6,4 миллиарда золотых рублей, т. е. ее резерв составляет 40% мирового золота. У нас, повторяю, во всю национализированную промышленность вложено 2½ миллиарда. Так-ли трудно им купить нас с потрохами? Они могут в один год своим долларом убить всякие шансы на социалистическое развитие нашей страны. Поэтому для нас монополия внешней торговли в нынешнем империалистском окружении, при нашей бедности и при их богатстве,—есть такое же незыблемое правило, такой же незыблемый закон, как диктатура нашей партии и национализация средств производства. Одно без другого падает. Я упомянул о шатаниях, которые были по этому вопросу и которые кое-где продолжаются, и я считаю, что общественное партийное мнение должно отдать себе ясный отчет в важности этого вопроса. Никто, конечно, не говорит: «я против монополии внешней торговли», нет, противники монополии только за «усовершенствование» ее. Но путем соответственного «усовершенствования» монополию можно фактически свести на-нет, не декларируя ее отмены. Никто не говорит, что у сей бочки нужно высадить дно, наоборот, «принципиально» все противники монополии за сохранение дна, но с тем, чтобы десяток дырочек просверлить в нем. Вот, товарищи, против этого десятка дырочек у принципиального дна мы должны принять самые решительные меры (Аплодисменты), ибо разница тут только в пропорции: вытечет-ли то, что у нас есть, сразу или в рассрочку.

Я перехожу от работы отдельных предприятий, зарплаты, финансирования, торговли, к вопросу, который я считаю—и это выражено в резолюции, одобренной ЦК,—для данного момента и для нашего С'езда центральным, основным: к вопросу о *плановой* хозяйственной работе, без чего никаких успехов мы иметь не можем. Что такое хозяйственный план? Этим вопросом надо заняться серьезно, ибо путаницы в этой области еще сколько угодно. В нашей резолюции вы эту путаницу попытались устранить, и думаю, что можно спокойно рекомендовать партии те формулировки и те перспективы, которые намечены в наших тезисах.

Задачи и методы плановой работы.

Что такое хозяйственный план? Два слова из области экономической азбуки. При капиталистическом строе есть план? Нет. Он заменяется рынком, свободной игрой сил, конкуренцией, спросом, предложением, кризисами и проч. и проч. Таким образом, устанавливается определенное распределение средств и сил. План есть, однако, и при капиталистическом хозяйстве, но в рамках отдельного предприятия, треста, а если трест монопольный, то соответственный план распространяется на весь национальный рынок и даже на рынок мировой. При переходе от капитализма к нашему революционному строительству, которое мы потом называли военным коммунизмом, мы попытались,—вынуждены были к тому всем ходом гражданской войны,—заменить все эти сложные махинации торговли, спроса и предложения, биржи, централизованным усмотрением наших главков. Общей задачи организации хозяйства мы на этом пути не разрешили и разрешить не могли, но текущие нужды армии и рабочих, хоть и в очень скудном размере, удовлетворяли. Мы открыто признали затем, что хозяйство построить таким путем невозможно,—одним централизованным плановым усмотрением в нашей стране, при нашем экономическом уровне, мы не можем производить регулировку хозяйственной жизни,—и мы обратились к дьяволу рынка: «Приходи на помощь». В первый период новой экономической политики некоторые из хозяйственников возлагали явно преувеличенные надежды на рынок. Нашу металлургию, нашу угольную промышленность, нефтяную, машиностроительную, из сухого дока—военного коммунизма,—мы можем только постепенно спускать на воды рынка. Постепенно и медленно. Если бы мы обрекли тяжелую промышленность свободной игре рынка—она села бы на мель, потому что наша тяжелая промышленность слишком «тяжела» для нашего рынка. Нам надо держать нашу тяжелую промышленность на бюджетных домкратах, чтобы она не свалилась и не села на дно. А это и есть подход к плану.

Товарищи, каковы основные устои планового хозяйства? Во-первых, армия: она никогда не живет на основах рынка. Армия есть плановое хозяйство. Во-вторых, транспорт. Транспорт у нас (железнодорожный) весь государственный. В-третьих, тяжелая промышленность, которая работает у нас либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности. Вот три государственных кита,—и если спустить сих китов в лужу нашего рынка—не выйдет ничего—киты велики, а лужа еще пока лужа. Вот где исходный момент вопроса о плане. Когда мы, спустивши с цепей стихию рынка, увидали, что сия стихия довольно скромная, мы начали искать правильного соотношения между плановым предвидением и согласо-

ванием работ государственных хозорганов и стихийной работой рынка. Это соотношение—жесткое или эластичное? Оно эластичное, подвижное, оно изменяется. Но согласование всегда необходимо. Если бы мы не вырабатывали хозяйственного плана, проверяя его, регулируя его и перерабатывая в процессе исполнения, то наш транспорт, наша тяжелая промышленность пошли бы на слом. Конечно, тяжелая промышленность через рынок возродилась бы лет через 10—20, но уже как частная капиталистическая промышленность. Вот в чем суть дела, товарищи.

Оглянемся на свежий опыт. У нас было несколько кризисов за последние годы. В начале 1921 года нас постиг топливный кризис; в 1922 г.—кризис сбыта; сейчас у нас—кризис сырья. Остановимся в двух словах на вопросе, что это за явление такое—кризис топливный. Вы помните на этот счет слова Владимира Ильича, на десятом партийном с'езде: «мы просчитались». Да, насчет топлива мы тогда просчитались. Что это значит: «просчитались»? Это значит: вышла невязка двух или более частей плана, промышленность пустили слишком широко, топлива не хватило—получился страшный отбой. В чем же существо топливного кризиса 1921 г.? Это «кризис» планового происхождения, *неувязка,* как говорится у нас, а не кризис, стихийно вырастающий из игры капиталистических сил, и против которого ничего не попишешь. А это есть кризис специфический, наш, советский, выросший из беспланового или недостаточно планового подхода к делу. Это не обвинение—может быть, тогда лучше и нельзя было сделать,—но во всяком случае это неустойка, и крупная, потому что крупно просчитались.

В начале 1922 года у нас кризис сбыта. Чем об'ясняется? Общее об'яснение таково, что рынок узок, емкость рынка мала. Но само это об'яснение слишком широко, потому что кризис сбыта начался прежде, чем мы добрались до пределов рынка. Мы не могли товар подать к потребителю, у нас не было торгового аппарата. Кризис 1922 года был кризисом торговой беспомощности, коммерческой немощности нашей.

Борьба с ним—в развитии и упорядочении торгового аппарата, государственного и кооперативного.

Наконец, нынешний кризис—кризис сырья. Мануфактуре не хватает сырья. Почему? Потому, что она его «прокалькулировала», спустила по таким ценам, которые не обеспечивают его восстановления. Это вопрос очень важный, очень серьезный. Он уже более рыночного происхождения, но опять-таки вызван не так называемыми железными законами рынка, а нашей организационной беспомощностью в подходе к этим законам рынка. С топливом—просчитались, с хлопком и шерстью—прокалькулировали. Вот вам соотношение планового начала и рыночного. Наши кризисы до сих пор являются гораздо более кризисами, вырастающими из недостаточности или неправильности планового подхода, из организационной беспомощности или неприла-

женности госаппарата к новым методам работы, к новой экономической политике, чем из рынка, как такового.

До настоящих капиталистических кризисов мы еще не доросли, и, кто знает, может быть, когда по размерам оборота дорастем до них, то разовьем одновременно плановое начало в такой мере (ведь, важнейшие средства производства и транспорт—у государства!), что сможем, если не на 10/10, то, может быть, для начала на 5/10, потом на 6/10 преодолевать кризисы, вырастающие из рынка.

Чтобы подойти еще ближе к делу, к вопросу о плановом начале, я воспользуюсь одним пожеланием тов. Зиновьева, которое все, конечно, мы разделяем: «чтобы в Донбассе не было больше кризисов». Не только донецкая делегация этому аплодировала, вероятно, были и другие, ибо все мы хотим, чтоб в Донбассе кризисов не было. Но давайте попробуем понять, что это собственно означает, т. е. как достигнуть того, чтобы не было кризисов в угольной промышленности. Декрет такой издать? Этого, конечно, никто не предложит. Декретом кризиса не упразднить. Что же в таком случае означает, чтобы в Донбассе не было больше кризисов, если это не голое только пожелание? Я думаю, об этом можно спросить тов. Чубаря. Он Донбасс знает, знает его хозяйственное положение. Я возьму одну его статью, недавно напечатанную в «Экономической Жизни». Там, в Донбассе, положение обследовала комиссия, кажется Рабкриновская, что отнюдь не значит, что она обследовала непременно хорошо (Чубарь находит, что плохо). И в своей статье он пишет: «по нашему мнению, обследование положения каменноугольной промышленности Донбасса нужно начать с обследования центральных учреждений, от коих зависит плановая регламентация жизни Донбасса и обеспечение его всеми необходимыми для производства рессурсами». Это очень не плохо сказано! Если вы хотите понять кризис в Донбассе, уважаемые товарищи из Рабкрина, то вы начинайте с обследования центральных плановых учреждений, которые снабжают, финансируют, регламентируют, регулируют Донбасс. И тов. Чубарь приводит пример: «Донбасс отдает большую часть своей продукции плановым потребителям по твердым ценам. Он вынужден заготовлять все материалы на основах коммерческих соглашений и эта неувязка (продавай по твердым ценам, а покупай по рыночным,—это у нас называется неувязка) всегда бьет Донбасс, но остается незаметной для планирующих и контролирующих органов». Вот как выражается, и правильно выражается, тов. Чубарь. Ясно, что кризис Донбасса имеет источником своим неувязку планов в центре страны. В этом существо дела. И других кризисов в Донбассе нет и не может быть сейчас, поелику государство является основным покупателем продукции Донбасса и его финансистом. И кто хочеть понять, а мы все хотим это понять, как нам сделать, чтобы в Донбассе не было больше кризисов, подрывающих фундамент нашего хозяйства, тот должен последовать приглашению тов. Чубаря и начать дело

с устроения или упорядочения плановых органов. Разумеется, не в виде обвинения плановым органам я говорю это, а на самопоучение: чем точнее будет увязана работа различных отраслей хозяйства, тем лучше будут согласованы те суммы, которые Донбасс получает за уголь по твердым ценам, и которые он платит за необходимые предметы по рыночным ценам,—чем все это будет лучше, крепче, плотнее согласовано в органах, которым заниматься этим надлежит, тем меньше будет опасность кризисов в Донбассе. Отсюда видно, как наивны те люди, которые говорят: «вы не рассказывайте нам про планирование, а устройте лучше так, чтоб Донбасс работал без кризисов».

Я, товарищи, настаиваю на этом особенно потому, что вопрос о планировании есть по существу вопрос о руководстве. Мы слишком обще говорим о руководстве хозяйством, но, ведь, руководство хозяйством и есть прежде всего планирование, т. е., *предвидение и согласование*. Нет другого пути, кроме планового,—планового не обязательно в смысле жесткого администрирования, как было при военном коммунизме, а планового прежде всего в смысле маневрирования, т. е. предвидения и согласования *в условиях рынка*, с одной стороны, и работа на твердого потребителя—государство, с другой стороны. Это—основа вопроса, и мы должны научиться, наконец, не смешивать это текущее, оперативное, маневренное планирование, без которого мы будем из кризиса падать в кризис,—с длительными ориентировочными планами отдельных учреждений, ведомств и т. д. Связь между тем и другим есть, но это не одно и то же.

Я возьму, в качестве примера, самый большой перспективный план, самый значительный, именно план электрификации. Это исторический план на десятилетия. Наступит момент, когда электрификация, достигнув необходимого насыщения в стране, станет технически, энергетически основой всего хозяйственного плана, так что колеса промышленности и сельского хозяйства будут вертеться, повинуясь электрической кнопке, которая будет в руках либо ЦК нашей партии,—если к тому времени еще нужен будет ЦК партии,—что будет зависеть от темпа развития социализма в других странах. Итак, только насытив хозяйственный организм страны, т. е., снабжая ее достаточной энергией, электрификация явится технической основой всех вообще хозяйственных планов, если, конечно, какая-нибудь другая энергия не перережет нам дороги, за что я не ручаюсь и не отвечаю. Но, товарищи, электрификация на 1923 год,—а мы живем и хозяйничаем в 1923 году,—представляет собою, к сожалению, пока еще только небольшую частицу нашего операционного годового хозяйственного плана. В 1924 году эта частица, мы надеемся, будет больше, чем в этом году, особенно, если у нас будет хороший урожай. В 1925 году—еще больше, а лет через 10 займет, может быть, доминирующее положение. Пока же планирование состоит в согласовании различных составных частей хозяйства, в том числе и работ по электрификации, как очень еще в данное время, к сожалению, слабой области хозяйства.

И товарищ Буденный был прав, когда напомнил на С'езде Советов, что в наш хозяйственный план наряду с электрификацией входит сегодня и «конефикация», как очень важный фактор сельского хозяйства и Красной Армии.

То, что я сказал об электрификации, как о перспективном плане, относится в еще более резкой ограничительной формулировке ко всяким другим перспективным планам отдельных отраслей хозяйства. Например, вопрос о производстве сельскохозяйственных орудий, тракторов. Можно выработать, и с пользой для дела, 10-летний план строительства тракторов, но это будет перспективный план, очень условный, т. е. такой, который осуществится, может быть, на 25%, а может быть, и на 150%, в зависимости от того, насколько реалистично угадан общий темп хозяйственного развития. Но и самое частичное выполнение плана тракторостроительства в нынешнем 1923 году немыслимо без согласования его с Донбассом, с Югосталью, с Наркомфином и проч. и проч. И вот такого рода согласование путем предвидения, учета, поправок к неоправдавшемуся предвидению—это и есть постоянное, непрерывное, недремлющеее планирование маневренного характера, и если это планирование приостанавливается, если оно задремлет или «просчитается», — выскакивает кризис, как результат неувязки.

Конечно, и в этой области может быть допущено много ошибок, пустяков, увлечений. В тезисах у нас определенно сказано, что могут быть две типические ошибки в этой области. Одна—это попытка планировать в такой сфере, которая еще экономически для этого не подготовлена, что на практике означает: зря подавлять самостоятельность и приводить к заторам и пробкам. Другая, прямо противоположная ошибка это—не применять вовремя плановых методов там, где условия для этого созрели, и тем предоставлять регулирующую работу рынку, который ее выполнит позже, хуже и расточительнее. Не мы выдумали планирование: это в принципе та же работа, которую Морган или его штаб проделывает (только лучше нас) по отношению к моргановскому тресту: предвидение, согласование, направление,—руководство. Разница та, и разница немалая, что мы должны плановые методы применять по отношению к нашему всероссийскому тресту трестов, к нашему хозяйству в целом.

Надеюсь, теперь ясно видно, что вопрос о плановом руководстве никак нельзя отожествлять с планоманией, по поводу которой можно, конечно, отпускать много шуточек. Никаких плановых безбрежностей и абстракций мы не допустим. Универсальный план мы пытались установить на IX С'езде: сперва будем производить только средства производства для производства средств производства, потом средства производства для производства предметов потребления, потом предметы потребления... С этими этапами связывались определенные этапы электрификации. Это была первая грубая попытка планового подхода,—мы учились ходить в области планирования и руководства в ту эпоху, и кое-чему научились. И если бы сейчас кто-либо попы-

тался выработать и преподнести нам такого рода всеоб'емлющий универсальный план, мы ответили бы—это только перевод на язык хозяйства плана «пролетарской культуры», или же «единой революционной военной доктрины» и других подобных не очень зрелых доктринерских изобретений. От этого, товарищи, надеюсь, мы все радикальнейшим образом излечились. Мы говорим о планировании, как о маневренном руководстве, которое исходит из более или менее устойчивых элементов нашего хозяйства, согласуя их друг с другом и с хаотическим элементом рынка.

Бюджет.

И здесь мы приходим к *бюджету*, как к составной части этого планирования. Поелику мы переводим все на деньги, тем самым бюджет становится одной из важнейших составных частей нашего хозяйственного плана. Разумеется, можно здесь стать на такую унылую точку зрения: так как нам до сих пор не удалось в этой области сделать ничего (это не верно, конечно, кое-что удалось), так как мы пока еще не создали даже месячного бюджета (месячного-то и нельзя создать!), то где уж нам разговаривать о планах, и т. д. Но ведь это же чистейшее пораженчество. Конечно, урегулирование бюджета—очень трудное дело. Но вопрос стоит не так, трудно это или легко, достигнем ли мы крупных успехов в два месяца или в два года,—вопрос стоит так, что если мы на этот путь не встанем, то никаких успехов не будем иметь и через 100 лет. Вот что для нас должно стать безусловно ясно.

Без упрочения плановой бюджетной линии нашего хозяйства, без планового руководства различными отраслями нашего хозяйства, без установления соответствия между рессурсами и задачами, мы с настоящего места не сдвинемся. *«Лучше меньше, да тверже!»*—вот наш основной бюджетный лозунг. Я читал недавно в той же «Экономической Жизни» по поводу бюджета почти лирическую статью члена коллегии украинского Госплана тов. Шапиро. Он пишет: «На пять шестых работа Федерации протекает в безбюджетных условиях. Регулирование финансового хозяйства на деле происходит во внебюджетной форме текущего усмотрения»... У нас выражаться научились очень хорошо: «внебюджетная форма текущего усмотрения».

Богуславский (с места). Совсем непонятно.

Очень понятно. Даже немножко по Гераклиту: все течет, и «усмотрение» течет (смех). «Живем в атмосфере неожиданностей и сюрпризов,—продолжает тов. Шапиро,—то огорчительных, то радостных»... Я просил бы тов. Раковского записаться и рассказать нам о радостных сюрпризах,—об огорчительных мы и сами кое-что знаем.

Что такое эта статья? Это вопль по поводу беспланового, безбюджетного характера нашего хозяйства. И тут нам нужно добиться перелома.

Повторяю, всю эту самокритику надо понимать исторически. Дело идет не столько о том, чтобы бранить самих себя за то, что мы в прошлом этого не сумели сделать, а о том, чтобы помочь себе самим на пятьдесят, на семьдесят, а потом и на сто процентов сделать это в будущем.

Если хотите, самая наша коренная отечественная плановая пословица такова: «Ладь телегу зимой, а сани летом». Это есть плановая мудрость крестьянского хозяйства: предвидение и согласование. Нам надо правило это применить ко всему нашему союзному хозяйству. Я думаю, что эту пословицу хорошо бы над входной дверью в Госплан и в СТО выгравировать: «Ладь телегу зимой, а сани летом». Тогда всем стало бы яснее, что такое планирование. Это есть предвидение, согласование, заглядывающее вперед практическое руководство. По отношению к крестьянскому хозяйству задача сравнительно проста и в течение немногих лет крестьянин обучает своего сына всему этому до тонкости.

Богуславский (С места). А в совхозе это трудно.

Совершенно правильно, в совхозе это трудно, а особенно трудно в том совхозе, который называется СССР. (Смех). Вот почему мы, товарищи, и пришли к необходимости иметь особый плановой орган или, как он называется в тезисах ЦК—главный штаб нашего хозяйства. Если мы хотим охвата различных отраслей хозяйства—и государственного планового, и полупланового, и чисто-рыночного, чтобы согласовать их, то нам необходимо иметь высоко квалифицированный орган, который прорабатывает непрерывно все элементы операционного плана во всей их конкретности и представляет этот проработанный материал хозяйственому главному командованию. Хозяйственное главное командование наше—и по советской линии и по партийной—вы знаете прекрасно.

Госплан и его роль в нашем строительстве.

Госплан—очень важный орган в нашем строительстве, и значение его будет расти. Сам он не командует, не управляет, но учитывает все элементы командования, администрирования, управления, руководства; предвидит, загадывает, согласует, предлагает, напоминает, вносит поправки,—другими словами, создает для хозяйственного командования все необходимые штабные предпосылки, согласует операцию со снабжением, транспортом и пр. Без такой непрерывной, подготовляющей, об'единяющей, согласующей, учетно-контролирующей, направляющей работы днем и ночью не может быть активного, действительного руководства хозяйством. Вот откуда огромное значение Госплана, и—повторяю—чем дальше, тем больше оно будет

вырастать. При одном, однако, условии: если вся наша хозяйственная работа пойдет удовлетворительно. Если же будем иметь неуспех, если крестьянин, если кустарь вместе с ремесленником, вместе с торговцем выдвинут крупного капиталиста, прежде чем мы успеем выравнить хозяйственный фронт,— то, конечно, Госплан будет отходить на задний двор. Но это пораженческая перспектива. Если же мы возрастающую производительность страны будем умело, последовательно и твердо отводить на советскую социалистическую мельницу, то тем самым значение планирующего органа в общей системе хозяйства будет возрастать.

Тов. Кржижановский, председатель Госплана, по моей просьбе формулировал в превосходной, на мой взгляд, форме,—я лично стоял бы за то, чтобы тов. Кржижановский опубликовал свою небольшую работу,—вопрос о взаимоотношении перспективных планов, ориентирующих, и текущего операционного плана и о вытекающих отсюда задачах и методах Госплана. Я прочту только одну заключительную формулировку, касающуюся организационной стороны вопроса: «Мне думается,—пишет тов. Кржижановский— что наиболее удачен будет выход в сторону дальнейшего укрепления и развития СТО, как единого центрального органа, руководящего всем народным хозяйством, при условии высвобождения его от моментов, приводящих к слишком вермишельной повестке заседаний, а это предполагает *дальнейшее развитие и укрепление Госплана,* плановых органов при хозяйственных наркоматах и важнейших экономических районах, и дальнейшую *согласованность работ СТО с Госпланом*».

К этому я присоединяюсь целиком. По советской линии непосредственно управляет хозяйством СТО. Госплан не командует. Госплан есть штаб при СТО, и, как полагается штабу, прорабатывает все вопросы в смысле проверки, согласования, предвидения и направления.

Мы восстановили рынок с его конкуренцией, сохранив в своих руках государственную власть, национализованные средства производства и монополию внешней торговли. Мы знали: нам придется жестоко померяться силами на основе рынка с рыночными отношениями. Каким путем? Да путем рыночных же отношений, но дополняемых все более искусным, умелым, точным плановым вмешательством. Успех социализма чем будет измеряться? Ростом планового руководства на основе возрастающих материальных ценностей. Рост нерегулированных рыночных отношений дальше известного предела означал бы для нас опасность оказаться захлеснутыми рынком. Вот почему в этом вопросе, мне кажется, тов. Зиновьев допустил неточную формулировку, которая может привести к недоразумениям: это по вопросу о победах наших над НЭП'ом. Я думаю, формулировка тов. Раковского более правильна, и теоретически, и политически. Тов. Раковский сказал оппозиционерам: «вы боитесь НЭП'а, стихии рынка; но когда мы имеем успех в сахарной промышленности, производим больше сахару и лучшего качества

и выгодно продаем его, то этот успех на почве НЭП'а, есть в то же время удар по НЭП'у». Новая экономическая политика нами установлена всерьез и надолго, но не навсегда. «Новую» политику мы завели для того, чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее. Как? Умело пользуясь действием законов рынка, опираясь на эти законы, вводя в их игру аппарат нашего государственного производства, систематически расширяя плановое начало. В конечном счете это плановое начало мы распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его. Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену *новейшей* экономической политикой, которая будет социалистической политикой. В этом смысле мы можем с полным правом сказать, что успехи нашего государственного хозяйства будут означать ряд побед наших над новой экономической политикой при помощи ее же собственных методов.

Наши преимущества и недостатки.

Но, товарищи, дело, конечно, не в том, чтобы диалектически охарактеризовать эти победы, а в том, чтобы их фактически одержать. В этом и состоит задача. Мыслимо ли ее разрешение? Вполне мыслимо. Обеспечена ли победа? Нет, еще не обеспечена. Начали ли мы уже побеждать? По-моему, нет. Мы подошли к такой позиции, где можно начать побеждать, но только подошли. Ибо поскольку мы имели за предшествующий период убыток, постольку, конечно, нельзя еще говорить о том, что мы начали побеждать. Мы создали предпосылки для победы—под'ем страны. Чего же нам нехватает для самой победы?

Вот здесь, товарищи, в этом вопросе, я хочу опереться на книжку, которую вам всем роздали, но которую вы, вероятно, еще не успели прочитать. Нам вообще роздали здесь много ценной литературы, и я истинно порадовался, когда увидел, как мы все же выросли. Будем, однако, просить все ведомства и учреждения, в том числе и ЦК партии, чтобы к следующему с'езду эти книжки появились недели за две до с'езда—иначе чувствуешь себя в полной растерянности, за какую книжку раньше ухватиться. Вот эта небольшая книжка: «Вопрос организации государственной промышленности на частном примере Подмосковного бассейна». (Материал к XII с'езду РКП). Это результат обследования,—не статистического подсчета: это совсем не то,—а живого экспедиционного обследования на месте, притом обследования, совершенного людьми, у которых есть глаз, которые хотели видеть и сумели подвести виденному итоги. Я не знаю автора, пытался узнать по теле-

фону, но в суматохе с'езда не удалось. Обращаю внимание, особенно на заключительную главу этой брошюры. Если бы не ограниченное время, я бы вам ее всю прочитал, но, надеюсь, вы это сделаете сами. Авторы брошюры спрашивают себя: «в чем наши плюсы и в чем наши минусы?» Плюсов у нас, т.-е. у государства, владеющего важнейшими отраслями промышленности, очень много, они их перечисляют: «мы имеем возможность (в отличие от частного капитала или, вернее сказать, от частно-капиталистического хозяйства), мы имеем возможность и практически уже начинаем вести свое хозяйство по определенному плану, зная свои производственные возможности и свои потребности». Вот чего нет при капитализме! Второе: «мы имеем некоторую возможность сознательно, в интересах всего народного хозяйства, воздействовать на взаимоотношения промышленности с сельским хозяйством», заставляя поочередно то промышленность поддерживать сельское хозяйство (пока-что, скажу от себя, таких опытов мало),—то сельское хозяйство дать ссуду промышленности. Но мы проводим это централизованным плановым порядком, через аппарат фиска, через государство, имея возможность такую перекидку сил и средств—прежде всего средств из промышленности в сельско-хозяйственный оборот,—чего, конечно, в такой степени не может делать часто-капиталистический режим. Третье: «мы может наши государственные рессурсы распределить между различными отраслями промышленности, питая важнейшие ее отрасли и вовсе закрывая те, которые нам не нужны». Четвертое: «внутри промышленности мы можем также сознательно распределять свои средства между различными предприятиями»: одно закроем, другое оживим. Таких преимуществ частно-капиталистический режим также не имеет. Пятое преимущество: «у нас имеются неизмеримо большие, чем при капитализме, возможности целесообразного согласования работы отдельных предприятий между собой». Взяли такой-то завод, отдали другому тресту, произвели новую комбинацию, горизонтальную или вертикальную. В Америке это сложная игра—оторвать предприятие, включить его в другую комбинацию, а у нас это росчерк пера. Шестой пункт очень интересный: «рабочий класс, стоя у власти, имеет возможность, когда это вызывается классовыми интересами, предоставлять промышленности кредит за счет рабочей платы». Другими словами, могут быть моменты, когда государство заработка не выплачивает или платит только половину,—и ты, рабочий, кредитуешь свое государство за счет заработной платы. Это формулировка не трэдюнионистская, это говорит профессионалист-коммунист, социалистический государственник, не цеховик. У нас насчитывается, стало быть, шесть принципальных преимуществ, одно другого важнее, а в результате все-таки пока терпим убытки.

Авторы книжки спрашивают: почему это, откуда это? И дают ответ,—и ответ, по-моему, совершенно правильный. «Мы считаем,—говорят они,—что основных затруднений, встречаемых в нашей государственной промыш-

ленности, по существу весьма немного, всего только одно». Оно состоит в том, «что правления наших трестов, а затем и директора наших предприятий не являются настоящими хозяевами, которые бы за всем смотрели, за все болели душой, дорожили бы каждой минутой времени, берегли бы каждую копейку, проводили бы дни и ночи в заботах о нуждах наших фабрик, заводов, рудников и т. д. «Как будто бы банальнейшая мысль, простейшая мысль, это даже не калькуляция, не плановое руководство, а между тем тут именно гвоздь». «Нет в заводе хозяина, нет в тресте хозяина». Это говорят нам профессионалисты, и они подтверждают это и иллюстрируют прямо превосходно. Почему же это у нас нет хозяина? Не потому ли, что прогнали старых хозяев? Нет, не потому. Ибо разве крупные капиталисты сами заведуют своими предприятиями? Ничего подобного. У них спецы-наемники, они и заведуют. Но у них, у капиталистов, предприятия давали прибыль, а у нас нет. Вот как об этом говорит наша брошюра (я сейчас прочитаю): «Мы должны это признать (насчет убытка) со всей откровенностью, ибо только это даст возможность бить в ту точку, которую бить следует». «Что эта задача должна быть поставлена и разрешена, следует из того, что наша государственная промышленность даже в предприятиях, находящихся в исключительно хороших условиях работ,—при больших, чем до войны, средствах, при полном обеспечении технической силой, при нормальной производительности труда рабочих и т. п., дает убыток, в то время, как капиталисты в этих предприятиях имели прибыль—так велики накладные расходы на содержание Главков, на содержание громаднейших штатов служащих, на содержание подсобных категорий рабочих и на оплату торговых расходов по сбыту продукции». Отлично сказано по точности, по сжатости, по правдивости—без прикрашивания, без розовой водицы.

«Мы до сих пор вопроса о прибыли не ставили. Однако, теперь или через некоторое время мы должны будем его поставить, ибо вне накопления прибыли у пролетариата нет иных способов перехода к социализму».

Краткий, не превосходный ответ «Рабочей Правде»,—ее, кстати, вернее было бы называть «Рабочей Кривдой»,—которая изображает дело так, что государственный аппарат есть аппарат эксплоатации рабочего класса. Есть старая теория забытого ныне Махайского—махаевщина, которая учила, что при социализме государство будет аппаратом эксплоатации рабочего класса. А ЦК горнорабочих отвечает четко и резко, что если рабочий класс не даст прибавочной стоимости в распоряжение своего государства, то не пойдем вперед. Без прибыли не может быть расширения предприятия, не может быть расширенного воспроизводства, не может быть под'ема культуры, не говоря уже о социалистическом строительстве. И этот вопрос ЦК горнорабочих ставит ребром.

Всякий раз, когда мы начинаем говорить о промышленности,—заявляет брошюра,—мы ограничиваемся общими вопросами, но до точки не доходим.

А что такое эта точка? А вот что: «нужно говорить лишь о том, как начать более бережно расходовать наши средства, как беречь копейку—и в производстве, и в торговле, и во всех прочих случаях». Самое простое правило: *береги советскую копейку,*—а советская копеечка социалистический рубль сбережет. Без этого не пойдешь вперед. Надо беречь копейку и на сырье, и в производстве, и в освещении, и в отоплении, всюду и везде. Из этого прибыль и слагается и растет. «Наше больное место в том,—продолжает ЦК горнорабочих,—что мы не нашли еще способа заставить своих управляющих и доверенных во всех отраслях народного хозяйства беречь по-хозяйски каждую копейку, беречь действительно и серьезно». Как действуют капиталисты? Они оплачивают хорошо своих директоров, но главное—для директоров у них есть определенный режим. Репутация директора—его капитал. Существуют аттестационные списки. Если ты просадил предприятие, твоя репутация погибла. Таким образом, помимо вопроса о вознаграждении, о жалованьи, есть еще вопрос об общественном мнении, о репутации, о деловом самолюбии.

Подбор работников.

Нужно добиться того,—говорит ЦК горнорабочих,—чтобы наших директоров, хороших, дельных, знали так же, как мы знаем лучших наших командиров, героев Красной Армии в эпоху гражданской войны. Нужно создать на этот счет в партии и стране устойчивое общественное мнение, в котором удельный вес командиров промышленности был бы правильно измерен. С этим должны быть согласованы разные формы премиальности. У нас есть партийное постановление о том, что директора не могут получать премии выше известной суммы, не могут участвовать в прибылях и т. п. Это совершенно правильно,—дальше определенной суммы жалованье и премии не должны итти. Но вместе с тем надо бы с профессионалистами обсудить и всесторонне обдумать такую меру: если предприятие дает доход, и полагается высокая премия, а директор партийный, то можно предоставить ему право эту премию распределять,—уже не по произволу, как ныне, а по закону,—на культурные нужды, на больницу, на шефство и т. п.—не из оборотного капитала, как ныне, а из премии, которую директор-некоммунист, при равных условиях, может получить в собственное свое распоряжение. Это, конечно, не есть единственное средство, а одно из многих средств заинтересовать и подтянуть директора. В общем же путь, который указывают горняки—безусловно, правильный: подбор людей, воспитание хозяйственников есть то самое, о чем Владимир Ильич на XI с'езде говорил, как о центральном вопросе всего периода. И вот здесь есть очень интересное место, которое я тоже прочту: «Само собою понятно, что такие директора должны быть совершенно спокойны за то, что отдавая свои силы, свои добрые отношения с местными

организациями и людьми (отказ в удовлетворении некоторых требований государственных организаций и людей и даже рабочих, хотя бы и сделанный в интересах рабочего класса, не всегда спасает сохранение добрых отношений)—так напечатано!—эти директора, отдающие все силы и здоровье интересам государственной промышленности, а, стало быть, интересам, рабочего государства, в целом они не останутся вне внимания государства». Горняки настаивают на создании определенного, более устойчивого режима по отношению к красным директорам. Они предлагают (я пока этой мысли не критикую, а только сообщаю) провести положение о красных директорах через ВЦИК, которое определяло бы права и обязанности красных директоров и делало бы их ответственными должностными лицами на службе советского государства, с предоставлением им большой инициативы. Эта система мероприятий, товарищи, должна быть обсуждена детальнейшим образом всеми профессиональными союзами, продискуссирована в нашей печати и затем должна быть рассмотрена в нашей партии. Здесь затронут вопрос очень интересный. Средства производства—в наших руках, мы можем совершать концентрацию, мы—монополист, мы располагаем законодательным аппаратом, мы хотим научиться производить с прибылью. Кажется, чего не хватает? А вот не хватает—этого хозяина в тресте! Конечно, этого не получить в месяц, в год,—но можно и нужно добиться этого постепенно, путем искусственного, отчасти естественного, но, главным образом, продуманного подбора работников, взяв их, конечно, на соответственный учет и создав для них условия, в которых они могли бы проявлять инициативу.

Далеко мы ушли в этой области? Пока очень недалеко. Сошлюсь на результат работы комиссии тов. Куйбышева, которая составила очень интересный доклад, еще не прошедший через ЦК, а предварительно только через Оргбюро. Несомненно, что тот ЦК, который вы создадите, одну из своих важнейших задач будет иметь в анализе материалов этой комиссии, которая обследовала 28 трестов,—и, главным образом, московских. Очень важный и центральный вопрос, который интересовал комиссию, это вопрос о подборе личного состава трестов и предприятий. Я процитирую некоторые выводы из доклада тов. Куйбышева, сделанного им на основе работ комиссии:

«Значительная доля вины за тяжелое и бесхозяйственное состояние ряда трестов лежит на неумелом, бессистемном, неосторожном подборе состава правлений трестов.

Роль партии (как ЦК, так и МКРКП) в деле формирования Правлений московских трестов может быть оценена как пассивная, незначительная, при полном отсутствии системы подбора крепкого коммунистического кадра трестов».

На странице 52, по вопросу о недостатках существующей системы подбора людей, тов. Куйбышев пишет:

«Помимо всех вышеуказанных недостатков, результатом которых является слабое, неустойчивое и бесхозяйственное управление, я считаю необходимым остановиться еще на одном факте крупнейшего значения, связанном самым тесным образом с существующей системой или, вернее, бессистемностью в подборе правлений.

Таким фактом я считаю распыление ответственности—формальной и политической—за результат подбора состава правлений.

В самом деле, при описанной выше системе одновременного подбора (вернее, намеков на подбор) хозяйственного кадра и профессиональными, и хозяйственными, и партийными органами,—ни одна из указанных организаций не несет или, вернее, психологически не чувствует себя единственно ответственной за результаты неудачного подбора.

Доминирующий в последнее время партийный и советский лозунг—возрождение хозяйства—ни в какой мере (если говорить о серьезном подходе к делу) не был поддержан на деле реальным притоком партийных сил в хозяйственные органы.

Это настолько неоспоримый факт, что без лишней натяжки можно утверждать о пассивном участии партии в целом, в деле перераспределения партийных сил в соответствии с хозяйственными нуждами республики».

Я думаю, что никто не посетует на меня за эти длинные цитаты, ибо они бьют по тому же самому центральному вопросу, который ребром поставлен ЦК горнорабочих и который год тому назад был поставлен на с'езде Владимиром Ильичем.

Итак, о подборе работников. Разумеется, поскольку здесь прощупаны тресты, прощупаны комиссией, высококвалифицированной, состоящей из нескольких цекистов, она могла на живом разрезе увидеть плохое состояние этого решающего винтика—хозяина-директора. Насколько я знаю, Оргбюро ЦК на основании этого доклада постановило, чтобы по отношению к всероссийским или всесоюзным трестам ЦК, совместно с ВСНХ, определяли бы состав правлений. Я думаю, что новый ЦК должен будет это решение подтвердить,—также и по отношению к губернским трестам, а именно: губком, вместе с губсоветом народного хозяйства, утверждает состав правления треста. Но этим дело не ограничивается. Это только «головки»...

Партия и руководство хозяйством.

Дальше идет вопрос о подборе руководящих работников в предприятии, в группе предприятий. И здесь надо создать режим устойчивый, режим правильных взаимоотношений, режим правильного руководства, режима ответ-

ственности, когда хозяин в предприятии (т. е. хозяин, уполномоченный государством) чувствует и несет всю полноту ответственности за каждую советскую копейку. Это есть центральный вопрос, и мимо него партия не пройдет в ближайшем году. Это означает, что вопрос о руководстве партии хозяйством должен также стать на более систематические, более плановые рельсы. Но если бы эта фраза кем-нибудь была понята так, будто руководство партии откладывается до того, как мы установим план, это значило бы опрокинуть вещи на голову. Потому что ведь, когда мы установим план во всех областях, вряд ли нужно будет руководство партии и вряд ли нужна будет сама партия. На ближайший период партия должна поставить задачей—и себе и хозорганам: подбор хозработников, ведение ими правильных списков, периодическая проверка, правильное продвижение вверх по известной системе. Это вопрос всех вопросов: это есть один из центральных моментов в тезисах по руководству промышленностью.

Товарищи! Резолюцию по докладу ЦК вы приняли. В этой резолюции сказано со всей решительностью, что руководство нашей партии государством в целом и хозяйством не только остается незыблемым, но должно быть упрочено, укреплено и поднято на более высокую ступень. Если вопрос формулировать так,—а его только так коммунист и может формулировать,—то всякого, кто попытался бы против руководства партии государством и хозяйством направить свою энергию, мы все совместно поставили бы по ту сторону баррикады. Так же, как в октябре 1917 года, мы единодушно боролись за диктатуру партии—так же, если понадобится, пойдем против всякой попытки, направленной против диктатуры партии, против ее всестороннего руководства во всех областях,—и будем единодушно бороться, если бы эта опасность возникла перед нами серьезно,—а она может возникнуть, ибо стихией НЭП'а мы не овладели и мы знаем, что несет она нам через год—два или пять лет.

Есть, однако, еще задача, которая составляет вывод из этой основной задачи: повышать квалификацию нашего руководства, приводить его в соответствие с потребностями самого хозяйства, придавать руководству более плановый, более систематический характер. Это относится и к подбору работников. То, что вытекает из работ комиссии т. Куйбышева, чего требует ЦК горнорабочих, это—постановки планового, систематического подбора хозяйственников. Разумеется, это еще не все руководство, но это важнейшая сейчас часть его. Поскольку мы осудили на этом с'езде всякий намек на ослабление руководства партии,—я это говорю, товарищи, с тем большей энергией, что некоторые товарищи считают, будто и у меня есть ошибки по этой линии,—я заявляю, что в отношении резолюции, которая говорит о необходимости укрепления и упрочения руководства партии во всех областях, я буду не последним в вашей среде в деле ее защиты, проведения и беспощадной борьбы со всяким, кто на нее покусится. (Аплодисменты).

Первоначальное социалистическое накопление.

Товарищи, я знаю, как чутко и настороженно наш с'езд относится ко всем вопросам этого рода. Я понимаю настроение с'езда, настроение всей партии. Оно об'ясняется и общими мировыми причинами,—сгустившимся снова империалистским окружением, белой горячкой фашизма,—и нашей внутренней причиной—как бы личной, но в то же время общегосударственной и в то же время мировой причиной,—это болезнь Владимира Ильича. Эти две причины, пересекаясь, создают у партии тревожное, настороженное настроение. Это есть симптом бдительности партии, ее политического и морального здоровья, ее революционной упругости. Если она в этом своем состоянии двумя или тремя чертами подчеркивает то, что ей представляется опасным, если она даже преувеличит,—она права, потому что то, что при других условиях могло бы не быть опасным, сейчас должно быть взято под подозрение вдвойне и втройне. Это есть реакция здорового революционного организма, поставленного в труднейшие условия,—реакция на тысячи опасностей, из которых каждая в отдельности мала, а, сочетаясь, группируясь и помножаясь друг на друга, они могут вырасти в грозную силу. Эта реакция здоровая, реакция революционного самоохранения того большого организма, каким является наша партия. Но это, товарищи, только *оборонительная сторона задачи*. Конечно, без своевременной обороны нельзя победить. Если задремлет сторожевой пост, беда может постигнуть всю армию. Но это все же только оборонительная сторона задачи, а у нас есть и наступательная, это—хозяйство. Их надо сочетать одну с другой,—оборонительную—против всякой попытки, направленной против руководства партии,—с наступательной хозяйственной задачей, для которой нам надо будет в ближайшие годы высшее сосредоточение и напряжение партийной воли. Иначе мы не разрешим хозяйственных вопросов. Ибо первый итог НЭП'а таков: оживление есть, но пока что с убытком для нас. Этот убыток есть плата за право учения в приготовительном или, вернее, в первом классе хозяйства,—в приготовительном классе мы были в период военного коммунизма. Во втором классе надо уменьшить плату, а затем уже дальше не платить, а хозяйничать с прибылью. Мы перевезем хлеб за границу и будем оттуда везти товары в обмен на этот хлеб. Мы увеличим нажим капиталистической стихии на наше молодое хозяйство—с основным и оборотным капиталом в государственной промышленности в два с половиной миллиарда рублей. Я не знаю, какой будет урожай, будем надеяться все, что хороший, но хороший урожай означает,—если мы отстанем,—что увеличится соперник, ибо хороший урожай есть расширение емкости рынка не только для государственной промы-

шленности, но и для частного капитала. У нас есть конкурент—он будет расти, подымать голову и, если мы будем торговать в убыток, он будет торговать с прибылью, а с Запада будет нажим европейского капитала, с которым мы приводим в соприкосновение нашего крестьянина, через посредство хлебного экспорта. Начинается эпоха роста и развития капиталистической стихии. И кто знает, что не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории, т. е. каждую частицу государственного хозяйства под нашими ногами, отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций и частно-капиталистических сил. Как голландцы отстаивали свою прибрежную полосу от океана, отвоевывали сваями, шлюзами, плотинами каждый квадратный метр территории, так и нам, коммунистам, имеющим в руках государственный аппарат, в ближайший период борьбы со стихией капитализма придется, планируя, предвидя, маневрируя, бороться за каждый квадратный метр социалистической территории, за каждую частицу государственного капитала. И здесь нашей партии нужна в высокой степени концентрированная воля,—направленная на что? На обогащение нашей страны. Мы собираемся проходить через стадию *первоначального социалистического накопления*. Это меткое выражение было впервые употреблено, кажется, т. В. С. Смирновым, работником Госплана. Первоначальное социалистическое накопление! Вы помните, по Марксу, что такое первоначальное капиталистическое накопление, какое напряжение энергии оно предполагает у мелкого хозяйчика. Этот маленький эксплоататор проявляет чудеса героизма, спит 4 часа в сутки, питается черствым хлебом, эксплоатирует жизненную энергию своей жены, детей, свою собственную, урезывает каждый пятак. Так проходит период первоначального капиталистического накопления. Это отвратительная картина, потому что здесь в основе лежит индивидуальный пятак мелкого хищника. Нам нужно бороться с такой же страстью, но за пятак советский, социалистический, который имеет право на весь героизм пролетариата и на всю проницательность, энергию, волю нашей партии. Лозунг экономии и накопления, о котором мы сейчас говорим, это не лозунг философов мелкобуржуазного сбережения Рихтеров, Смайльсов и всяких других пошляков, которые его бросали кабальному рабу капитала,—лозунг сбережения, экономии, копейки к копейке, пятачка к пятачку,—мы сейчас бросаем нашей партии и всей стране, как лозунг хозяйственного спасения и культурного возрождения. Мы должны с таким же вниманием, с такой же горячей преданностью, как когда-то относились к нелегальным адресам: не потерять, не выдать, не просыпать,—относиться ныне к каждой частице народного достояния, приумножая, накопляя, подготовляя полную победу. И я, товарищи, хочу надеяться, что, несмотря на тяжелый для нас момент, несмотря на то, что партия прежде всего поглощена заботами революционного самосохранения, я надеюсь, я верю, что этот с'езд явится в то же время исходным пунктом более дружного, более сосредоточенного хозяй-

ственного наступления. И, если то настроение, которое выразилось в докладе горняков, которое есть у многих товарищей, здесь присутствующих, охватит руководящие круги нашей партии и профессиональных союзов, то мы скажем с несокрушимой уверенностью: несмотря на нашу жалкую, постыдную сегодняшнюю бедность и неумелость, запряжемся все, как один, и страну нашу из нищеты, из рабства выведем, и капиталу не сдадим. (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Противоречия в хозяйственном развитии страны.

Товарищи, страна наша—особенная страна. До войны мы имели на одном полюсе кочевое хозяйство, варварское, полудикое, и в высокой степени концентрированную промышленность — на другом полюсе. Все переходные ступени, все противоположности у нас в тесном соприкосновении—иногда на расстоянии нескольких десятков верст,—и все это на базе чрезвычайной хозяйственной отсталости, на базе нашего крестьянства, которое в огромной своей части пользуется самыми примитивными способами обработки земли.

Россию теперь некоторая мудрящая часть заштатной интеллигенции называет Евразией, т. е. сочетанием Европы и Азии. Как хотите, это в точку попадает. И Москва наша искони была евразийской, т. е. имела, с одной стороны, архиевропейский характер, даже с намеком на американизм, и в то же время несла на себе черты чисто-азиатские. Роль торгового капитала, например, у нас была евразийской, больше азийской, чем европейской. Колоссальная страна, разбросанное население,—торговый капитал охватывал огромную территорию. Почему? В Европе преобладало в свое время городское ремесло, а у нас деревенское кустарничество, не отрывавшееся от крестьянского хозяйства. Ремесло работало в Европе на свой ближайший округ, а у нас кустари работали на разбросанный по огромным пространствам сбыт, и смычка торгового капитала с этим кустарничеством, как я вчера напоминал, являлась важнейшим источником развития нашей истинно-русской промышленности, особенно текстильной, но также и других.

Вот с этакой противоречивой хозяйственной структурой мы вошли в империалистскую войну. Война в этом евразийском комплексе произвела большие изменения, поскольку она промышленность мобилизовала для своих целей, а крестьянство сперва наделила денежными средствами, как бы обогатила, а в последнем счете истощила. Потом пришла революция. Она получила в наследство уже охарактеризованное мною противоречивое хозяйство—от кочевника до высоко-квалифицированной машиноделательной промышленности, в конец к тому же деформированное, изуродованное войной. Гражданская война произвела дальнейшие деформации, механические изменения в хозяйственной структуре. Соотношение разных областей промышленности, соотношение промышлености и сельского хозяйства нарушались все больше, и в таком виде страна вошла в советский режим, который все

это наследство сжал тисками революционной диктатуры, а потом подморозил режимом военно-хозяйственного коммунизма, котрый служил нам, во-первых, для политической самообороны, а во-втбрых—для того, чтобы из хаотического и распадавшегося все больше хозяйственного комплекса по прямым линиям кратчайшим путем извлечь то, что нужно было нам немедленно для ведения гражданской войны. Но под режимом военного коммунизма происходили,—заглушенно, замедленно, чуть-чуть,—те хозяйственные процессы, которые мы, как я выразился, подморозили. В кустарничестве, в деревне, в городе, вся жизнь протекала, так сказать, в одну четвертую или в одну десятую часть своего прежнего нормального тонуса. Полного прекращения процесса товарообмена, даже индивидуального накопления не наступало, но эти процессы были придавлены, сжаты, подморожены и совершались крайне медленным темпом и нередко получали попятное движение.

Потом явился НЭП, который позволил хозяйственному организму слегка отогреться. Но отогреться такому организму, конечно, нельзя ни в день, ни в месяц, ни даже в год. Оттаивание началось с периферии. А что такое наша хозяйственная периферия? Это, прежде всего, деревня и связанный с ней кустарь, тот ремесленник, который работает на крестьянина, тот торговец, который посредничает между крестьянином и кустарем или городским ремесленником. Затем оттаивать начала легкая промышленность, которая работает непосредственно на человека-потребителя, городского или деревенского. Вот первые этапы рыночного отогревания нашего хозяйственного организма после установления новой экономической политики. Поэтому, товарищи, если кто спросит: то, что мужик стал вывозить на рынок капусту, брюкву, ячмень,—положительный ли это факт или нет? Разумеется, ответим мы, факт огромного прогрессивного значения. Для этого и был произведен перелом политики. То, что кустарь заработал на рынок,—положительный ли факт? Еще бы, факт огромного значения! Кустарные мастерские—это клеточки очень примитивные, но живые клеточки того хозяйственного организма, об оттаивании которого идет у нас речь. Если бы между этими клеточками не было своего физиологического, точнее, экономического обмена веществ, то нельзя было бы вообще стране жить,—она замерла бы окончательно. Тогда пришлось бы говорить не о социализме и даже не о самостоятельном капитализме, — тогда пришлось бы признать, что наша страна как раз созрела для того, чтобы распаться и превратиться в колонию.

Поэтому, товарищи, тот, кто выходит на эту трибуну и начинает доказывать, что факт развития кустарничества, его рост и оживление есть прогрессивный факт, и что я, дескать, напрасно выступаю «против кустарничества», тот,—я извиняюсь,—либо не отдает себе отчета в основных элементах вопроса, либо почему-то считает нужным ломиться в открытую дверь. Новая экономическая политика имела своей первой задачей создать

предпосылки для хозяйственной жизни вообще. Только на этой основе и начинается дифференциация. Материя этой оживающей экономики, протоплазма ее, ползет по двум каналам—по каналу государственного хозяйства и по каналу частного торгового и промышленного капитала. Вопрос об этих двух каналах есть впрос более высокого этажа, вопрос второго порядка. Я об этом говорил в своем докладе, строго расчленяя два момента и два критерия. Когда мы находимся в первом этаже хозяйственного анализа,—критерий один, более простой. Когда мы находимся во втором этаже,—критерий другой, более сложный. Эти два критерия, разумеется, не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Поскольку я выставляю только первый или предварительный критерий, я констатирую: кустарничество оживает. Хорошо это? Как же не хорошо? Это необходимо, нормально, неизбежно, прогрессивно. Без этого мы не пойдем вперед. Это создает основу, рынок. Нормально, неизбежно, прогрессивно, но это и азбучно. Долго на этом останавливаться нет надобности. Дальше встает, однако, второй вопрос: что собой кустарь знаменует? Тут некоторые говорили, что, дескать, не то я сам испугался кустаря, не то стал других им пугать. Не так надо вопрос ставить, товарищи. Не с того конца подходить. Кустарь сам по себе—сейчас прогрессивный факт. Рост его—необходимое явление. Но кустарь этот, *при недостаточном или нерациональном параллельном росте и развитии государственной промышленности,* при ее недостаточной способности приспособляться к рынку, при ее дальнейшей затяжной работе в убыток,—этот кустарь начнет подпадать под влияние не нашей кооперации, не нами организованного государственного кредита, а под господство частного торгового капитала. А смычка торгового капитала, который у нас уже сейчас получает довольно широкое влияние, с кустарем-кулаком, который постепенно станет подчинять себе слабых кустарей, может во второй раз создать у нас истинно-русский, почвенный капитализм. Вот об'ективный анализ. Велика ли опасность осуществления такой перспективы? Как сказать? Этой опасности статистически нельзя учесть заранее, она определяется динамикой, борьбой живых сил, и мы—главная сила в этой борьбе. Но не видеть этой перспективы, не оценивать ее,—значит, страдать слепотой и итти навстречу верной беде.

Кустарничество за год дало, вместе с ремеслом, продукции на 415 миллионов. Цифра крупная! Какой же отсюда вывод: уж не тот-ли, что пора придавить кустаря или подморозить вновь нашу крестьянскую экономику? Такой вывод мог бы сделать только сумасшедший. Совершенно ясно, что мы не только не собираемся этого кустаря давить,—наоборот, будем, чем дальше, тем больше делать со своей стороны все, чтобы найти и с ним смычку через кооперацию и государственный кредит, чтобы и его, кустаря, постепенно и безболезненно вплести в государственную хозяйственную ткань. Мы должны и будем учиться наш налоговый аппарат все больше и больше при-

способлять к особенностям и крестьянского и кустарного хозяйства, т. е. больше нажимать на крестьянина-кулака и на кустаря-кулака. В то же время развитию сельского хозяйства и кустарничества мы всячески будем помогать, стремясь, однако, это развитие связать и сплести с нашим государственным хозяйством.

Промышленность и сельское хозяйство.

Но все это—задачи, к разрешению которых мы только-только подходим. И нужно глядеть в оба, чтобы развитие не обогнало нас. Закрывать глаза на оживление мелкобуржуазного хозяйственного оборота, как на возможный источник другого развития, направленного против нас, как на питательный бульон возможного частно-капиталистического процесса, было бы легкомысленно, преступно, и об этом я считаю необходимым сказать полным голосом. Можем-ли мы, как бы это выразиться, наспех изнасиловать хозяйственное развитие деревни, кустарничества, в пользу государственного хозяйства, механическим путем перенеся производительные силы из сельского хозяйства и из кустарничества в промышленность? Нет, не можем. Экономически это привело бы, в конце концов, к катастрофе. Но прежде, чем эта катастрофа развернулась бы экономически, мы имели бы катастрофу политическую. Предупреждений мы имели достаточно... Политическое искусство нашего хозяйствования должно состоять в том, чтобы развитие промышленности—до того времени, пока к нам притечет иностранный капитал (о котором мы будем еще говорить особо)—ставить в теснейшую связь с сельским, т.-е. крестьянским хозяйством. Эта связь - зависимость устанавливается сложными путями. С одной стороны, мы прощупываем рынок через государственную торговлю, через нашу кооперацию, через работу нами контролируемого частного торгового оборота,—а рынок у нас есть, прежде всего, покупательная способность крестьян; с другой стороны, мы определяем хозяйственную упругость деревни через фиск, через налоговый аппарат.

Этот последний сильно нажимает ныне на крестьянство; и мы хотим все сделать для того, чтобы фискальный нажим свести к необходимому минимуму. Крестьянин должен дать столько, чтобы в будущем году его хозяйство стало более исправным, чем в нынешнем. Промышленность наша одним крылом пытается непосредственно опереться на крестьянский рынок,—это легкая промышленность, — другим крылом держится на бюджете; а бюджет черпает, главным образом, из того же крестьянского источника. Если здесь мы равновесия не соблюдем, если в промышленном отношении крестьянства не удовлетворим, хозяйственно не сомкнемся с ним, или если налоговый

пресс слишком нажмем и нарушим равновесие,—тогда промышленность может с одного из устоев соскользнуть и опрокинуться, а с ней вместе и кое-что другое. Это—вопрос о правильном практическом учете мощности или слабости крестьянина и его упругости, хозяйственной и политической...

Но если мы не можем себе ставить задачей перескочить через крестьянское хозяйство или обогнать его на автомобиле, то еще менее смеем мы отставать от него. Это—другая сторона вопроса, и наши тезисы на этот счет точно говорят: «Столь же важно для государственной промышленности—не отставать от земледелия, иначе на основе последнего создалась бы частная индустрия, которая, в конце концов, поглотила бы или рассосала бы государственную». Это опасность не меньшая, чем первая. В эпоху военного коммунизма мы зарвались, оторвавшись от крестьянской массы. Но есть опасность с противоположного конца опрокинуть диктатуру рабочего класса: это—отстать от крестьянского хозяйства, от накопления в нем избытков, ибо это означало бы расшибить себе лоб о частный капитал, который неизбежно распухнет на основе накопления избытков в крестьянском хозяйстве. Об этих, товарищи, опасностях, я и говорил в основной части своего вчерашнего доклада.

Не пойти в ногу, скажем, вот с урожаем этого и следующего года—большая опасность. Два-три года хорошего урожая, разумеется, будет для нас колоссальным подарком судьбы. Этот урожай, естественно, будет искать реализации и внутри страны и за границей. Сколько за границу мы сможем перевезти, это зависит, конечно, и от покупательной способности Европы, но, главным образом, все же от условий транспорта и нашей техники.

Внутри страны, можно ожидать, окажется большой избыток сельскохозяйственных продуктов, не потребленных самой деревней. Что это—плюс или минус? Колоссальнейший плюс. Но этот плюс создает базис как для государственной промышленности, так и для частного капитала. Если государственная промышленность не пойдет в ногу с накоплением этого избытка в деревне, тогда на его основе создастся частный капитал, т. е. этот избыток оплодотворит смычку торгового капитала с кустарем, с кулаком и т. д. В этом существо вопроса. И как раз в этот период оживления всего хозяйственного организма мы входим с одним очень серьезным кризисом—кризисом нашего промышленного сырья. И идем навстречу другому кризису, гораздо более глубокому—кризису основного капитала, т. е. возрастающей изношенности нашего оборудования, на обновление которого государству нужны большие средства.

Понижение себестоимости продукции.

Вот, товарищи, общая картина; но мы воссоздаем ее не для того, чтобы пугаться ее, а для того, чтобы ясно видеть свой путь и действовать не впотьмах. Хозяйство в стране оживает; два-три урожая—и оживление пойдет вперед крупными шагами. Слишком обогнать развитие деревни опасно, но и отставать нельзя! Отсюда вытекает, что ни в каком случае нельзя нам просто с пассивным удовлетворением констатировать рост кустарной промышленности: надо искать способов понижения себестоимости государственной промышленности.

И вот, подходя к вопросу под этим углом зрения, я, товарищи, был немножко удивлен выступлением двух наших, наиболее компетентных хозяйственников, представителей ВСНХ: тов. Богданова и тов. Смилги. Скажу, чтобы устранить всякие недоразумения, что я не принадлежу к тем (а таких довольно много у нас, в Союзе Советских Республик), которые вешают всех собак на ВСНХ; я знаю, какие трудности представляет его работа. Но тот подход к вопросу, который обнаружил тов. Богданов, внушает мне некоторую тревогу: он вышел на эту трибуну со страшно философским складом мысли: вопросы действия он отводит доводами от созерцания.

В своем изложении я довел анализ нашего хозяйственного состояния до следующего пункта: дальнейшее развитие кустарничества, ремесла, мелкой промышленности, арендной промышленности и оплодотворения их торговым капиталом на основе под'ема сельского хозяйства—как ни желательны эти прогрессивные факты—при дальнейшей убыточности нашей государственной промышленности грозят нам тем, что наш государственный капитал рассосется, разбазарится на наших глазах,—не успеем и оглянуться. В ответ тов. Богданов с этого пункта моего доклада возвратил нас всех назад и стал доказывать, что.... новая экономическая политика имеет, видите ли, прогрессивное значение, потому что она привела в движение деревню, кустарей, ремесло, мелкую промышленность, потому что она создает торговый оборот, а это все, видите ли, факты очень прогрессивные. Но позвольте, уважаемый, через этот приготовительный класс мы прошли во вступительной части моего доклада,—и что же вы—моим добром да мне же челом!.. Конечно, философский склад мысли—прекрасная вещь, но ведь перед нами стоят кое-какие практические задачи и тут не мешает иметь план действий. Тов. Богданов (и, к моему большому удивлению, тов. Смилга ему в этом немного подражал) выступал здесь как бы защитником кустарей и мелкой промышленности от моих почти-что сокрушительных намерений. Это же совершенно ни с чем несообразно: я берусь на любом собрании ку-

старей выдержать самую жестокую избирательную конкуренцию с тов. Богдановым по части моей благожелательности к кустарям. (Смех). Однако, я должен все же напомнить тов. Богданову, что Высший Совет Народного Хозяйства не есть общество покровительства кустарям, а есть организация, которая имеет своей задачей вести государственную, об'единенную промышленность вперед, понижая себестоимость продукции, завоевывая рынок экономически, подчиняя своему влиянию кустарей технически и хозяйственно и, таким образом, овладевая всей экономикой страны. В этом задача. Кустарь, крестьянин, торговец, государственная промышленность—все это, говорят нам, дополняет друг друга. Это теория всеобщей гармонии интересов в советском обществе. Прекрасная теория, что и говорить: союз пролетариата с крестьянством есть, бесспорно, основа всего. Но не забудем, что из крестьянства вырастает кулак: если мы через кооперацию не овладеем крестьянским товарооборотом, то им овладеет кулак,—а кулак нам уже не друг, и в гармонию интересов советских классов его никак не включишь. Формула Богданова слишком уж широка.

То же самое с торговцем, то же самое с кулаком-кустарем, скупщиком, прасолом и т. д. Тут «гармонии интересов» не выйдет. Товарищ Богданов рисовал положение немножко односторонне и слишком созерцательно; у него даже выходило так, что убытки государственной промышленности и развитие хозяйства в целом довольно счастливо дополняют друг друга в общей гармонии. Разумеется, убытки государственной промышленности кого-то обогащают,—закон сохранения материи и тут имеет свою силу. Но они обогощают не государство, а за счет государства кого-то третьего: этот третий есть частный капитал. Тут зевать нельзя. А насчет кустарей тов. Богданову беспокоиться нечего. Никто не собирается их обижать. Более того: если Центральный Комитет с такой осторожностью подходит к вопросу о слиянии ВСНХ, Внуторга и Наркомвнешторга в один коммиссариат торговли и промышленности (на чем особенно настаивает ВСНХ), так это именно потому, что не хочет отдать кустаря и крестьянина в об'ятия Высшего Совета Народного Хозяйства, несмотря на столь теплые чувства к ним тов. Богданова. Центральный Комитет считает необходимым регулировать с общегосударственной точки зрения взаимоотношения этих групп населения и отраслей хозяйства, а не отдавать их целиком в руки ВСНХ. Когда же зовут к отчету ВСНХ и спрашивают: а нет ли опасности в том, что темп развития государственной промышленности отстанет от частнокапиталистического хозяйственного процесса, то в ответ об'ясняются в любви к кустарю. Это же не ответ, а недоразумение! Поменьше фатализма. Созерцательность и фатализм здесь абсолютно неуместны,—между тем, председатель ВСНХ сильно склоняется к буддистской философии. (Смех).

Более осторожный тов. Смилга впадает, однако, в те же принципиальные ошибки. В самом деле. Я указывал, товарищи, на другую опасность, которая может, при известных условиях, вырасти из смычки нашего крестьянства с европейским капиталом. А тов. Смилга говорит: «стало-быть, вы против экспорта хлеба». *(Смилга с места:* «Я этого не говорил»). Дословно не говорили, но вывод у вас был именно такой. Вы, стало-быть,—говорил Смилга,—считаете смычку нашего крестьянства с европейским капиталом минусом, а не плюсом. Таков был смысл его критики. Конечно, это совершенные пустяки. Сошлюсь хотя бы на то, что одно из первых предложений по этому поводу было написано мною (тов. Каменев, как видите, тоже вспоминает об этом)—о необходимости нам подготовлять экспорт хлеба, скупая его централизованно и пр.,—и посейчас я являюсь, разумеется, горячим сторонником этого дела. Но быть сторонником—не значит не задумываться о послезавтрашнем дне.

Хлеб, вывозимый за границу, будем продавать, надеюсь, по хорошей цене, будем получать прибыль. И, возможно, большую часть этой прибыли мы будем вливать в государственную промышленность, которая должна подготовиться к тому, чтобы рационально этот капитал использовать. В чем же опасность? А вот в тех самых «ножницах», которые в мое распоряжение предоставил тов. Лежава, заведующий делом внутренней торговли и которые я здесь демонстрировал. Опасность—в слишком резком расхождении между ценами промышленности в Европе и у нас. Разумеется, у нас монополия и ключ от границ. Но я уже говорил о том, что и в этой стене пробивается брешь—контрабандой. Контрабанда неизбежна, если разница между внутренними и внешними ценами переходит известную черту. Но, товарищи, контрабанда—это только одна сторона, хотя и она подрывает и размывает монополию, когда развивается выше известного предела. Есть и другая, более грозная сторона. Если бы ВСНХ заразился фаталистическим настроением и терпел нынешнюю чудовищную себестоимость в течение слишком долгого времени, то крестьянин этого фатализма не разделил бы,—крестьянин сказал бы: «Открывай границу», «Долой монополию внешней торговли», ибо он захочет иметь дешевые товары. Крестьянин уже привык мыслить в более широком масштабе, чем уезд и губерния. Ну, а если крестьянин скажет: «Долой монополию внешней торговли»,—это будет пострашнее наших московских колебаний и шатаний в этом вопросе. Вот в чем опасность, которую не хотел усмотреть тов. Смилга, а за ним и кое-кто другой.

Плановая работа.

Тов. Смилга спрашивал меня о плановой работе, почти что допрашивал: означает ли то, что предлает в этой области ЦК, перемену того,

что делается ныне, или же речь идет лишь о продолжении того, что делается ныне? Во-первых, я очень жалею, что тов. Смилга не поставил мне этого вопроса в комиссии, где мы вместе с ним вырабатывали нашу резолюцию, и где он вносил разные поправки (отчасти принятые, отчасти отклоненные), но где он не внес ни одной поправки к большой главе о плановой работе. Должен сказать, что к этой главе никто вообще не внес ни одной поправки, хотя почти ко всем главам были внесены поправки, к некоторым очень существенные. Думаю, что некоторые критики воздерживались от поправок просто потому, что не читали самих тезисов,—тем более, что и здесь три четверти аргументов против моих соображений о плановой работе были как бы заранее формулированы и предподнесены с полным игнорированием того, что я здесь говорил, и со священным неведением того, что сказано в тезисах ЦК.

Позвольте, товарищи, прочитать вам эту главу с некоторыми пропусками (она очень длинна); это абсолютно необходимо, потому что нельзя же все время в этих трех соснах путаться. Когда говорят нам, что мы не можем осуществлять универсальный план, что мы не должны продолжать на сей счет традиций военного коммунизма, то ничего не остается, как прочитать то, что ЦК здесь говорит. А говорит он вот что:

«В Советской России, где главные средства промышленности и транспорта принадлежит одному владельцу—государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно, по необходимости, получать плановой характер, и, в виду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение.

Весь предшествующий опыт показал, однако, что план социалистического хозяйства не может быть установлен апроиори, теоретическим или бюрократическм путем.

Действительный социалистический хозяйственный план, об'емлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством, возможен только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта на основах национализации, непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов.

На ближайший период задача имеет, таким образом, общедирективный и, в значительной мере, подготовительный характер. Она не может быть определена одной какой-либо формулой, а предполагает постоянное и бдительное приспособление руководящего хозяйственного аппарата, его основных заданий, его методов, его практики к рыночным явлениям и отношениям.

Отсюда совершенно ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйства в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить, путем планового вмешательства, хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры,—совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма «заторы», «пробки» и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем, мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэкономными методами рынка, и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств.

Борьба с „административной партизанщиной".

Взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешаться только рыночным путем, ибо это фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности, с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основах частной собственности».

Это последнее место—по адресу тов. Чубаря, который упрекал, будто бы, в тезисах не выделяется вопрос о тяжелой промышленности... В этой части тезисов имеется и совершенно законченная формулировка: «главкократическое администрирование эпохи военного коммунизма,—написано здесь черным по белому,—сменяется хозяйственным маневрированием», т.-е. согласованием работы различных отраслей хозяйства на основе рынка.

Спрашивается: есть ли это изменение того, что было до сих пор, или же простое повторение? На этот замысловатый вопрос тов. Смилги мы, вместе с тов. Смилгой, ответили в комиссии ЦК. Я ему напомню этот ответ: «совершенно очевидно,—говорит наша резолюция (это очень важное место!), что основное планирование промышленности не может быть достигнуто внутри самой промышленности, т.-е. одними лишь условиями ее руководящего административного органа—ВСНХ, а должно составлять задачу особого органа, стоящего над организацией промышленности и связывающего эту последнюю с финансами, транспортом и проч. Таким органом является по положению своему Госплан. Необходимо, однако,—писали опять-таки мы с тов. Смилгой,—придать Госплану более определенное положение, более твердую организацию, более ясные и бесспорные права, а особенно обязанности».

Значит, нужно делать не то, что делали раньше, а что-то другое? На этот вопрос нельзя ответить одним словом. Нужно продолжать то, что делали раньше, но продолжать гораздо лучше, тверже и систематичнее. «Должно быть установлено, как незыблемое начало: ни один общегосударственный хозяйственный вопрос не проводится в высших органах республики помимо Госплана. Этот последний, независимо от того, исходит ли инициатива от него самого или от какого-либо из ведомств, должен проанализировать новый вопрос, в связи со всей остальной хозяйственной работой. Далее наши тезисы устанавливают, что при такой систематической работе Госплана мы сможем дать отпор и, в конце концов, победить «административную партизанщину», — последние слова напечатаны жирным шрифтом! Значит, мы собираемся в наступающую эпоху развития нашего государственного аппарата и хозяйственной деятельности бороться, при содействии Госплана, против тех черт режима, которые названы «административной партизанщиной».

Тов. Чубарь попытался подойти к вопросу с другой строны и неожиданно взял под подозрение то, чего не оспаривали ни тов. Богданов, ни тов. Смилга—именно факт убыточности нашей промышленности. Товарищ Чубарь, который должен был бы, казалось, иметь более точное представление о состоянии нашей промышленности, оспаривал мое утверждение, что наша промышленность в целом пока еще убыточна. Я буду ждать развития этой его мысли в нашей экономической печати. Пока он этого не сделал, я считаю факт убыточности нашей промышленности установленным. Но, товарищи, нужно уметь и к этому вопросу правильно подойти. Если вы спросите: оздоровилась ли наша промышленность по сравнению с тем, что было год тому назад?—я скажу: безусловно, она развивается,—хотя медленно, в некоторых отраслях кривобоко, но развивается. А если вы спросите: богаче ли она сейчас, чем год тому назад?—я отвечу: нет, она беднее,—она заплатила часть своего достояния за то, чтобы иметь возможность развиваться. Теперь наша промышленность уже способна обогащаться, ибо она живет... Но именно за это наша промышленность с начала новой экономической политики до сегодняшнего дня заплатила тяжелую дань за то, чтобы от полусмерти перейти к началу жизни. Хорошо, однако, и то, что хоть дорогой ценой она все же купила себе возможность развития. Однако, дальше итти по пути уплаты такой дани, безусловно, нельзя, так как это означало бы расточение нашей промышленности. Это не имеет, однако, ничего общего с вопросом о способах финансирования тяжелой промышленности. Тов. Чубарь почему-то вообразил, что если я настаивал на необходимости работать без убытков, то это равносильно отказу от вложения новых средств в тяжелую промышленность. Тут явное недоразумение. Разумеется, в тяжелую промышленность мы будем вкладывать еще большие средства, и в виде долгосрочного кредита, и в виде наращения

основного капитала: но каждый такой вклад—только перенесение средств из государственного бюджета в промышленность, а вовсе не убыток. Новая эпоха нашей промышленности начинается тогда, когда доходы промышленности, плюс прибавка из бюджета будут равняться расходам промышленности или будут больше этих расходов. Мы, как видите, не собираемся сразу требовать от нашей промышленности, чтобы она давала прибыль. Это немыслимо. Но мы хотим, чтобы дефицит промышленности не был больше той суммы, которую государственный бюджет способен внести в промышленность, т. е., чтобы основной фонд нашей промышленности перестал таять, а начал бы потихоньку нарастать. Если тов. Чубарь жалуется, что от него требуют уголь по твердым ценам, а покупать материалы ему приходится по рыночным,—то я задаюсь, прежде всего, вопросом: кто то третье лицо, в пользу которого идет эта разница между ценами твердыми и теми, по которым вы покупаете? Если железная дорога получает уголь по твердым ценам, а те спекулянты, которые этой железной дорогой пользуются для торговли, продают вам товар по рыночным ценам, то каждая единица товара заключает в себе некоторую неоплаченную часть угля тов. Чубаря. Происходит, стало быть, переливание части государственного достояния в руки частных владельцев. На этот процесс нельзя закрывать глаз. Его нужно приостановить. Я считаю совершенно необходимой борьбу как против розового фатализма одних, так и против совершенно неосновательного оптимизма других наших хозяйственников.

Теперь позвольте, товарищи, устранить эпизод с речью тов. Рухимовича, которая была явным исключением из других речей и представляла собой, так сказать, «плановую» речь, как бы построенную заранее так, чтобы игнорировать то, что говорил я, и то, что написал Центральный Комитет. Оставляю в стороне вопрос о приписываемом мне здесь «едином всеохватывающем плане»,—я уже говорил, что единый всеоб'емлющий план в эпоху НЭП'а я причисляю к таким же идеям, как «единая военная доктрина», «пролетарская культура» и т. п. ребяческие химеры. Около второго заявления тов. Рухимовича, будто я говорил «с опаской насчет урожая», я только ставлю восклицательный знак и прохожу мимо. Но вот несколько слов относительно моего предложения премии коммунисту—я, видите-ли, за превращение коммуниста в Савву Морозова. Тут приходится остановиться—хотя бы ради тех товарищей, которые свои сомнения по этому вопросу выражали в более достойной форме. Товарищи, мы имеем сейчас такое положение, когда коммунист, сидящий в правлении треста или управляющий отдельным заводом, производит очень большие расходы на предприятия культурного, просветительного, военного характера — расходы, никаким законом не предусмотренные, никем фактически не контролируемые и в производство не входящие. Факт это или нет? (Голоса с мест: «ф а к т»). И мы знаем, что и партийные и профессиональные организации зачастую являются

соучастниками этого. Это тоже несомненный факт. Конечно, можно просто-напросто запретить это—и баста. Но я думаю, что мы можем нынешнее злоупотребление, урегулировав его, превратить в орудие воспитания,—если, например, мы скажем, что известную часть своего растущего дохода предприятие может расходовать на определенные нужды—культурно-просветительные, на шефство и т. п. Вы можете возразить, что нельзя это предоставлять на усмотрение одного правления треста или одного директора завода. Может быть. Но ведь сейчас правление любого нашего треста, заведомо убыточного, расходует сколько хочет, куда хочет и на что хочет. Я же хочу, чтоб был определенный контроль, определенные нормы, определенные правила, регулирующие это дело. Пример: коммунист-директор, стоящий во главе завода, повел дело так серьезно, что предприятие дает прибыль государству 50.000 руб. в год, за это заводу дается право расходовать, скажем, 3 или 5 тысяч на культурные и прочие нужды. Мы заявляем, что Иванов, красный директор завода, при содействии завкома, состоящего из таких-то и таких-то товарищей, дал государству такую-то прибыль и что за это полагается премия, которую они могут на такие-то нужды расходовать. Можно-ли против этого возражать? Не думаю. Это будет, во всяком случае, в тысячу раз лучше, чем то, что происходит теперь,—когда нерадивый, неряшливый директор может расходовать оборотные средства на что хочет, а экономный директор не расходует, причем последнего считают «скупым», а тот, другой, слывет «щедрым», «тароватым»... Лишить предприятие возможности производить известную часть расходов самостоятельно, значило бы лишить его в этой области всякой инициативы. Мне кажется так далеко нельзя идти: известная самостоятельность есть та «изюминка», без которой у человека нет «игры», нет стремления лучше сделать, лучше действовать, опередить других. Эту изюминку нужно ввести в дело и использовать. Но нужно организовать это правильно, под серьезным контролем. Формы и нормы контроля мы найдем. Во всяком случае, премиальность должна быть не анонимной, а связанной с определенным директором, — чтобы знали, что такой-то красный директор, в таком-то предприятии, фонд на культ-расходы получил, а другой директор их не получил. При чем же тут Савва Морозов?!.

Очень-очень странная речь. Напомню, однако, что тов. Рухимович сам рассказал, что они посылали (кто это—они?) «провокационную записку в центр с потолочной калькуляцией». Дословно! Что это значит? Если центр плох, то жалуйтесь на этот центр в ЦК, а не посылайте «с провокационной целью» калькуляцию с потолка. Что за нравы! Не знаю, может быть, некоторые заявления тов. Рухимовича относительно меня были сделаны с такими же целями. Надеюсь, что тот центр, куда посылались «потолочные» калькуляции, не поддался на провокацию; я постараюсь также не поддаться. (Смех).

Тов. Андреев говорил, что профессионалисты будут требовать, чтобы та рабочая энергия, которая все еще оплачивается по низкой заработной плате и которая дает все более и более интенсивный труд, использовалась хозяйственниками рационально. Я думаю, что профессионалисты стали тут на правильный путь. Образчик конкретной постановки этого вопроса я цитировал уже из брошюры ЦК горнорабочих. Мы здесь слышали авторитетное заявление от имени ВЦСПС, что это есть не счастливое исключение, а общее настроение профессионалистов, их убеждение, их линия поведения. Такое устремление мысли и воли наших руководящих профессионалистов есть величайшее наше партийное завоевание за последнее время!..

Тов. Ногин сделал несколько замечаний по поводу текстильной промышленности — между прочим и в том смысле, что моя критика пристрастна, что калькуляция улучшается и прочее. Я не оспариваю того, что к тому времени, когда не осталось сырья, калькуляция стала улучшаться. (Смех). Тов. Ногин уверяет, что текстильный синдикат проводит ту линию, которая является линией партии.

Конечно, партии очень лестно, что синдикат по ней равняется. Но мы хотели бы знать, какая часть оборота текстильной промышленности находится в руках текстильного синдиката? Было бы очень интересно знать этот процент (*Ногин с места:* «60 процентов»). 60 процентов всех торговых операций по закупкам и продажам? Будто-бы? Но лучше уж, тов. Ногин, не будем заниматься статистической полемикой, потому что она кончилась бы неавантажно для текстильного синдиката. Резолюция ЦК говорит о том, что синдикат вещь превосходная, но—во благовремении, т. е. там, где об'ем синдиката соответствует об'ему рынка,—причем синдикат должен централизовать те торговые функции, централизация которых подготовлена состоянием рынка. А если синдикат зарывается вперед, то он превращается в торговую главкократию, т. е. в гнуснейшую из всех главкократий.

Полиграфическая промышленность.

Тов. Ломов здесь жаловался на то, что калькуляция затрудняется разнообразием измерителей. Верно, в счетоводство нужно ввести единство. Комиссия при СТО работает над этим вопросом. Спецов,—говорит еще тов. Ломов,—нужно на фабрики. Правильно. Такую поправку мы охотно примем. Но вот насчет типографского дела тов. Ломов не прав. Он утверждает, будто у Троцкого, как журналиста, есть влечение к печатному станку, что

у него это вроде... прыщика на носу. (Смех). Товарищи, дело совсем не так просто обстоит. В нашем полиграфическом деле в целом наблюдается ныне уклон, в высокой степени нездоровый. С одной стороны, у нас появляются превосходные, роскошные издания: у Госиздата есть выпуски, которые сделали бы честь любому европейскому издательству—монографии о новых художниках и пр. И уж, конечно, все это—«на хозяйственном рассчете»,—все сделано по самой лучшей калькуляции, даже будто бы и выгода есть от этого. А с другой стороны—все, что предназначено для масс, у нас печатается в высшей степени скверно—и в смысле краски, и в смысле четкости шрифта, и в смысле опечаток, и в смысле бумаги, и в смысле брошюровки. Терпеть этого нельзя дольше, товарищи. (Аплодисменты). А газеты наши? Совершенно верно, как старый газетчик, я питаю некоторое пристрастие к газете. Когда читаешь изо дня в день,—не так замечаешь. Но вот, готовясь к этому докладу, пришлось, чтобы проверить ход развития разных отраслей промышленности, перечитать за большой период «Экономическую Жизнь». Хорошая газета, нельзя брать греха на душу. Но когда начинаешь ее читать—нет живой цифры: не то 3, не то 5, не то 8! А ведь это негоже—сомневаться: 3 милл., 8 милл. или 6 милл.,—ведь цифра имеет некоторое значение. (Смех). Полиграфическая промышленность об'ясняет это тем, что цифры сбиты, стары и т. д. Если стары—надо обновить. Мы не сможем поднять наше хозяйство, если не улучшим цифирь для наших газет. Газеты ведь предназначены для массового сбыта. А без массы хозяйства не поднимешь. И это, по вашему, пустяковый вопрос? Нет, не пустяковый. Нельзя воспитать себя в духе точного хозяйственного мышления, если наша газета таким образом оповещает нас об экономических фактах. Постановка типографского дела на большую высоту есть вопрос создания не только орудия пропаганды, но и орудия наглядного воспитания. Когда газета чище, то ее и малокультурный человек лучше читает, внимательнее, больше запоминает, больше учится. А то получаешь грязную тряпку, читаешь через слово в третье,—и остается впечатление, будто бы десять раз ты эту тряпку жевал. Нельзя воспитать рабочую массу, давая плохие неряшливые газеты. (Аплодисменты).

Если полиграфический трест не научится давать лучших газет, так попробуем иначе сделать—отдадим типографии газетам. (Аплодисменты). Братья-газетчики немедленно зааплодировали. (Смех). Это для меня не неожиданность, ибо я по этому вопросу производил анкету—обращался ко всем издательствам, к газетам и к самому полиграфическому тресту с вопросом: как лучше организовать дело. На этот раз ЦК не предлагает еще вынести решение—распустить трест и раздать типографии издательствам. Но мы не скрываем, что, может быть, придется на этот путь встать, потому что типография не есть самоцель; это инструмент для важнейшего дела—для дела пропаганды и воспитания.

Противоречия промышленности.

Наконец, тов. Ломов обвинил меня в «роковом противоречии»,—и это повторил за ним другой товарищ. Это довольно забавный анекдот, хотя самый вопрос очень серьезен. Троцкий, говорят нам, не сбалансировал своего доклада: у него вначале вышло так, что цена продукции страшно высока, а потом оказалось, что промышленность дает убыток. Как же так,—цены высокие, а промышленность работает в убыток? Это, говорят, «противоречие Троцкого». Поистине чудеса. Нет, тов. Ломов, это противоречие нашей промышленности, а не Троцкого! (Смех, аплодисменты). Разве вы думаете, что прибыль всегда пропорциональна цене? Где это сказано? Ничего подобного. Наоборот, мы знаем, что развитие капитализма шло таким образом, что предметы становились все более и более доступными, все более и более ходкими, а капиталист наживался и богател. Тут противоречия никакого нет: капиталисты завоевывали более широкий рынок, производство ставилось на более массовую основу. У нас же при нашем основном капитале, при вавилонской башне нашей хозяйственной иерархии, при нерациональном использовании рабочей силы, при нерациональной постановке работ на каждом предприятии и в каждой мастерской, при неполной загруженности,—у нас себестоимость получается, скажем, в 5 раз больше, чем до войны, и когда мы продаем предмет в 4 раза дороже, чем до войны, то имеем 20% убытка от продажной цены. Нет, это не мое противоречие. Это основное противоречие в положении нашей промышленности в данный момент. Этому-то вопросу и посвящен был весь мой доклад,—чего, к сожалению, не заметил тов. Ломов.

Тов. Хинчук указывает на то, что мы упустили кооперацию. Да, мы старались в этих тезисах схватить минимум необходимых вопросов; но я готов признать, что будет правильно, если мы в эти тезисы включим ясное и отчетливое упоминание о кооперации. Сделаем это хотя бы для того, чтобы неупоминание не было понято, как будто бы мы отныне придаем ей меньшее значение, чем раньше—об этом, разумеется, не может быть и речи. С тов. Хинчуком, членом комиссии, мы найдем соответствующую формулу для включения в наши тезисы.

Тов. Юркин возражал совершенно справедливо против пережитков главкизма—против того, что я назвал тресто-стремительностью по отношению к отдельным предприятиям—против главкократического режима уравнительного распределения заказов по соображениям формального характера (иногда политического), но не по деловым, не по производственным соображениям. Это необходимо принять во внимание.

Тов. Смидович просила меня отметить, чтобы при сокращении рабочих и работниц обратить внимание на необходимость в известной пропорции сохранять женщин-работниц в производстве. Я думаю, что хотя мы все это дело подчиняем экономической целесообразности, необходимость сохранения известного кадра женского пролетариата должна быть при этом все же принята во внимание.

Вопрос о понижении себестоимости есть вопрос о научной организации труда. Меня в записке обвиняли в том, что я слишком свел это дело к нецелесообразной рекламе. Разумеется, вопрос о понижении себестоимости очень сложен: это—вопрос о концентрации, о правильном использовании рабочей силы, о научной организации труда и, в том числе, об уничтожении лишних штатов, лишних торговых представительств, о чем совершенно правильно в записке говорит тов. Голощекин.

Иностранный капитал.

Тов. Красин подошел к делу с более радикальной точки зрения. Он, в общем и целом, признал правильной картину нашего хозяйственного состояния, которую я дал, но он обвиняет меня в слишком крохоборческом, так сказать, «мелкобуржуазном» подходе к разрешению стоящих перед нами задач. Внутреннее накопление по Красину совершенно недостаточно. Как оно может быть достигнуто? Путем налогов на сельское хозяйство, путем комиссионных на продаже крестьянского хлеба за границу, путем сокращения советского чиновничества, удешевления нашего государственного аппарата, Это все, конечно, хорошо,—говорит тов. Красин.—Но буржуазия развивалась не только путем «сбережений». Она, конечно, и накопляла, но она ускоряла процесс, воздвигая свои богатства на индийских костях. Мы с тов. Красиным не можем, конечно, принять таких методов, да нам никто колоний и не предлагает. Но вот насчет займа заграничного—другое дело: это сильно ускорило бы ход нашего хозяйственного развития. Нам говорят: нужно уметь взять деньги; это правильно, поэтому мы и послали в Лондон одного из самых умелых. Не кто другой, как тов. Красин, Леонид Борисович, переводил нашу советскую нужду в деньгах на английский язык; для этого он и был послан. Но ведь это не секрет, что из этого ничего не вышло. (Смех).

В Генуе—чего от нас требовали? Требовали не только признания государственных долгов, но и восстановления частной собственности на средства производства, возвращения заводов и фабрик, или, по крайней мере, уплаты за них. Когда же мы справлялись: «а как насчет чистогана?», нам

отвечали: «когда вы признаете все долги, тогда мы... будем посмотреть»... Если понимать дело так, будто мы отклонили несколько сот миллионов фунтов или долларов, то это будет простое извращение дела. Не было и речи о займе в Генуе по той причине, что у европейских правительств нет денег. У них лишь бюджетные средства. Правда, у них оказался какой-то фондик, из которого они как будто собирались дать нам до 200 миллионов франков. *(Голос из Президиума—Раковского:* «Но не нам»). Совершенно правильно,—это имеет тоже значение—нам или не нам. (Смех). Они собирались поговорить в парламенте, чтобы 200 миллионов франков дать своим купцам за те товары, которые эти купцы соблаговолят к нам вывезти. Стало быть,—товары будут вывозить к нам по своему усмотрению, а деньги-то, 200 миллионов франков, у них!.. Разве это серьезное предложение?..

Говорят, что у меня ничего не сказано об иностранном капитале. Неверно. В тезисах есть об этом пункт, к которому мы относимся очень серьезно. Если бы была реальная возможность притока европейского или иного капитала, то неужели же мы не пошли бы навстречу целиком, не сделали бы всего, чтобы облегчить привлечение иностранного капитала? Разве мы действительно не доказали практикой этих полутора-двух лет НЭП'а, что мы хотим, что мы способны создать для частного капитала, в том числе и для иностранного, условия, в которых он может работать? Разве мы не установили твердых условий, в которых частный капитал пользуется неприкосновенностью, — в тех пределах, в которых она совместима с советским режимом, т. е. в очень широких пределах? Разве не ввели мы в наш гражданский кодекс, в наш уголовный кодекс необходимые гарантии рыночного оборота, разве не взяли на себя определенных обязательств, разве мы не доказали на деле нашего серьезнейшего отношения к этим обязательствам? Очевидно, есть более веские причины, которые мешают. У Европы нет свободных средств,—а если какие и есть, она не хочет решиться, выжидает. Тут действуют факторы более тяжеловесные, чем форма заявления насчет долгов. Мы нуждаемся в иностранных капиталах и готовы предоставить им широкое поле и высокие барыши. Но мы будем работать и без них. И дело свое сделаем.

Позвольте закончить. В основном своем докладе я сказал, что все наши надежды на развитие социалистического хозяйства основаны на четырех элементах: диктатура партии, Красная Армия, как необходимое орудие этой диктатуры, национализация средств производства и монополия внешней торговли. В резолюции по докладу ЦК мы формулировали диктатуру партии в более категорических, чем когда бы то ни было, терминах. Национализация средств производства остается и после Генуи—слава советскому богу,—основным фактором нашей хозяйственной жизни. Монополия внешней торговли у нас закреплена не только принципиально, но, надеемся, на этот раз и практически,—в смысле дальнейшего придания ей строго со-

гласованного, планового и действительно монопольного характера. И позвольте, товарищи, в заключение сказать еще несколько слов о четвертом элементе—о Красной Армии.

Сейчас численность ее доведена до 610 тысяч человек. Это значит, что мы имеем по существу кадровую армию. Это значит, что с точки зрения обороны мы опираемся, главным образом, на тяжеловесные резервы, имеющиеся в стране. Это значит, вместе с тем, что вопрос об обороне страны зависит более, чем когда бы то ни было, от состояния нашей военной промышленности, а стало быть—и всей промышленности в целом. Если мы свою армию кадрового состава стремимся и будем стремиться качественно повышать, то это значит, что нам для тех больших масс, которые придется мобилизовать в случае нового военного конфликта, необходимо иметь очень большие, очень тяжеловесные мобилизационные запасы. Эти мобилизационные запасы стоят дорого, а мы—страна бедная.

И потому нам сюда тоже нужно ввести очень точную калькуляцию, очень точную проверку и очень строгий план. Мы не можем создать в течение одного полугодия или одного года необходимые запасы для армии военного времени; нам, стало-быть, нужно разработать план постепенного снабжения, постепенного обеспечения армии наиболее необходимыми предметами вещевого, боевого и всякого иного снабжения в течение нескольких лет. Нам необходимо попытаться, несмотря на все затруднения, какие с этим связаны, установить в ближайшее время для армии бюджет или хотя бы только бюджетный скелет—не на полгода и не на год, а на несколько лет; сжать его для ближайшего года, но в прогрессивном нарастании такую программу дать на несколько лет. Иначе руководство военной работой, создание мобилизационных запасов, развитие и укрепление военно-учебных заведений, не может быть поставлено на почву длительного плана. А нам в военном деле больше, чем где бы то ни было, необходимо обратить сейчас наиболее серьезное внимание на плановую работу.

Мы три года армию строили на-спех, импровизировали, полтора года сокращали ее на-спех, под давлением экономической необходимости. Теперь мы ее свели к предельному минимуму. Дальше, товарищи, армию сокращать нельзя, потому что ткань армии тогда станет слишком жидкой и будет расползаться. Есть известный минимум при нашей территории, ниже которого мы спускаться не можем, по крайней мере, при данном экономическом и культурном уровне. Стало быть, нужно внести более систематический характер в работу по обеспечению этой армии всем необходимым в дальнейшем. Мы этим сейчас заняты. Это будет одна из важнейших задач того ЦК, который вы выберете. Эта задача должна будет разрешаться, товарищи, по большому чертежу,—по чертежу, который должен будет предвидеть не за два-три, а может быть, за пять лет вперед. Но эта работа должна в то же время выполняться более мелким инструментом. В этом я вообще

вижу характер того периода, в который мы вступаем. Мы должны вести работу по большому замыслу, но более точным инструментом, работа должна быть более детальной, более тщательной, более кропотливой. Тут приходится переучитываться, — скажу о себе самом, — доучиваться, чтобы такую задачу выполнять. В военном ведомстве предстоит работа колоссальная. В военной промышленности, точно также. Нужна помощь партии. И партия в ней, конечно, не откажет.

Взаимоотношения между армией и партией за эти годы изменились в организационной своей форме. Был период, когда партия на местах непосредственно строила кавалерийские эскадроны, пехотные полки, укомы и губкомы непосредственно вели эту работу. Был период, когда губвоенкомы входили виднейшими членами в губком, когда войска находились в непосредственном ведении губкомов или губисполкомов. Сейчас с внешней, технической, организационной стороны эта пуповина как будто перерезана. Сейчас войска у нас организованы в виде дивизий и корпусов и имеют свою собственную централизованную организацию, которая не совпадает с организацией губкомов и укомов. Но если взять армию с политической стороны, то никогда господство в ней партии, — как через партийный аппарат в армии, так и через местные партийные комитеты — по всему настроению армии, по всему духу ее, — никогда господство нашей партии в армии не было так полно, так безраздельно, так глубоко, так неоспоримо, как в настоящее время. (Аплодисменты).